
ВИКТОРИЯ
Пономарева
ЗА ЛЮБОВЬ
лишь ветер
18+

Виктория Пономарёва

Сводные. За любовь лишь ветер

https://litres.ru/72300778
SelfPub; 2026

Аннотация

После трагедии я думала, что потеряла его. Но нашей любви суждено было случиться, и я думала, что она никогда не закончится. Но предательство тяжелее смерти. Наш друг в беде, а отношения и чувства под угрозой. И чем всё это закончится, я сама не знаю...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	55
Глава 8	63
Глава 9	72
Глава 10	79
Глава 11	92
Глава 12	107
Глава 13	115
Глава 14	126
Глава 15	134
Глава 16	144
Глава 17	153
Глава 18	161
Глава 19	170
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Виктория Пономарёва
Сводные. За любовь лишь ветер

Глава 1

ПРОЛОГ.

Вам когда-нибудь говорили фразу: "Жизнь продолжается"? Нет? Тогда я вам искренне завидую: в вашей жизни не было тяжёлых потерь и горьких поражений. Несомненно, ваша жизнь не состоит исключительно из белой полосы, у каждого в жизни есть огорчения, проблемы и всякого рода неприятности. Но, когда ты слышишь "жизнь продолжается", значит ситуация подошла к критической точке, когда не понимаешь, как жить дальше. Знакомо? Тогда я искренне вам сочувствую. Возможно, что сейчас этот момент пережит, оставлен в прошлом, но могу с уверенностью заявить: в тот самый миг, когда вам говорили "жизнь продолжается", вам хотелось кричать во весь голос о том, что нет. Не продолжается. Она остановилась. Слёзы сдавливали горло, хотелось царапать грудь, чтобы добраться до душевной боли, а затем безудержно рыдать, понимая, что ты ничего, абсолютно ничего не можешь изменить. Ты оказываешься на самом

дне, свернувшись калачиком и утопая в своём горе. А вокруг только и слышно: "жизнь продолжается" бесконечное множество раз. Возможно, у этой фразы мощная сила. Ведь ты встаёшь и действительно пытаешься жить дальше. Потому что должен.

Впервые со мной такое произошло, когда не стало мамы. Это было ужасное потрясение для меня. Она была моей звездой, освещающей дорогу в кромешной тьме, лучиком солнца, согревающим в холодные вечера. А потом всего этого не стало. Как и не стало прежней меня. Мне потребовалось немало усилий, чтобы подняться с колен и продолжить жить ради папы, который был не меньше моего убит горем. И у меня получилось. Я изменилась и начала заново смотреть на своё будущее, в котором уже не было человека, играющего в моей судьбе самую главную роль. А потом я встретила его... И поняла, что моё сердце способно любить и принимать любовь, что я умею быть счастливой, что я не забыла каково это – радоваться каждому дню. Когда просыпаешься утром с мыслью о том, что сегодня я его опять увижу. Появившись в нашем доме, Матвей оживил меня. Пусть я и поняла это не сразу, но наша с ним встреча изменила меня. С первых секунд знакомства с ним я становилась другой. Я всегда была девушкой, способной постоять за себя, любому парню могла дать отпор. Грубая, сильная, волевая - вот какой я была до встречи со Старцевым. С ним же я смогла расслабиться. Позволила ему защищать меня, любить и сводить с ума.

Он научил меня быть такой, какой подобает быть девушке: изящной, хрупкой, красивой, счастливой. Он стал моей самой большой любовью и самым большим разочарованием.

Я потеряла его тогда, когда казалось, что нет ничего прекраснее и идеальнее наших отношений. И я не была к этому готова. Никто никогда не готов терять любимых людей. Несколько месяцев я борюсь, чтобы не сломаться окончательно, не рухнуть, не разбиться... Склеиваю своё сердце, но раны продолжают кровоточить. И улыбаюсь, чтобы не выдавать своего внутреннего состояния. А что у меня внутри? Дыра. Огромная такая, бездонная, как пропасть... И этот период стал вторым в моей жизни, когда я снова и снова слышу эту острую, как лезвие фразу...

– Жизнь продолжается, милая.

Я обернулась. На пороге моей комнаты стоял папа и, грустно улыбаясь, смотрел на меня в отражении зеркала, рядом с которым я стояла. Он будто читал мои мысли, с глубоким сочувствием изучая черты моего лица.

– Ты всё же решила надеть чёрное платье?

– Оно отражает состояние моей души, – я несколько раз махнула кистью по скулам, чтобы придать хоть немного сияния своей бледной коже.

– Ритусь, милая моя, – папа подошёл и погладил меня по плечам. – Я знаю, что ты любила его. И сейчас любишь. И я много раз говорил тебе, что жизнь...

– Нет, папа! Хватит! – закричала я и оттолкнула его от

себя. – Прекрати мне это говорить! Ничего не продолжается! Всё умерло вот здесь! – я постучала себя по груди. – Всё закончилось, понимаешь?

– Не будь эгоистична, всем сейчас тяжело.

– Тяжело, папа, это тащить мешок картошки на собственном горбу. А мне невыносимо больно тащить себя туда, где мне быть вовсе не хочется!

– Я понимаю, но тебе нужно там присутствовать. Ты его сводная сестра. Пора уже повзрослеть, – в глазах папы впервые за всё время блеснули яростные огоньки.

Я в отчаянии бросила румяна на пол, и маленькие разноцветные шарики покатились в разные стороны.

– Мы много разговаривали с тобой об этом, Рита. Время всё расставит по своим местам, нужно лишь подождать, милая. Время лечит, боль пройдёт.

Он действительно верил в это. Думал, что я приму произошедшее, смирюсь с этим и буду жить дальше. Так все думали. Но я так не могу. Больше не в силах страдать. Поэтому сегодня я похороню свою любовь. Навсегда.

***

Восемь месяцев назад.

Синий… Красный... Синий… Красный… Синий… Красный... Синий… Красный. Только эти два цвета бесконечно сменяли друг друга. Прорывались сквозь темноту, сквозь пространство и устремлялись в небо, к звёздам. Я тоже туда смотрела. Вернее – молилась. Две машины скорой помощи

стояли неподалёку. Врачи суетились, склонившись над лежащими Матвеем и Игорем, а я продолжала молиться. Просила только об одном: чтобы всё было хорошо. Пусть они останутся живы. Пожалуйста, мама. Только в неё у меня осталась вера. Они же ни в чём не виноваты. Им рано покидать этот мир. Что будет со мной, если Матвея не станет? Я умру вместе с ним. Я дышать без него не могу и сейчас задыхаюсь от неизвестности.

Кто-то из врачей подошёл ко мне, о чём-то спросил, поднёс к носу нашатырь, и только это смогло вернуть меня в реальность. Я отвела взгляд от звёзд. Носилки. Кругом непонятная суета. Все бегают. Моё частое дыхание. Облегчённый выдох – их не облачили в чёрные мешки, значит, ещё всё может быть хорошо. Я попыталась встать с колен, но вновь упала. Ноги затекли. Как долго я молилась? Как долго я вообще здесь нахожусь? И кто вызвал «скорую»?

– Девушка, с вами всё в порядке? – спросил молодой врач, поддерживая меня за талию и помогая встать.

– Я… кажется, да… А с ними… что с ними? – я кивнула в сторону скорых машин, в которые загружали Игоря с Матвеем.

– Кем вы им приходитесь?

– Сестра одному из них, – сказала первое, что пришло в голову.

– Так значит это вы звонили?

– Куда? – теряла я нить разговора. В голове творилась ка-

ша, а в пятках кололо от страха узнать плохие новости.

– Ну как куда? Нам. Девушка какая-то позвонила и сказала, что двое парней попали в аварию и погибли.

– Я звонила?

Ничего не помню. У меня же даже телефона с собой не было, он остался дома. Теряя контроль, я схватила стоящего передо мной парня в униформе врача скорой помощи и стала трясти его со всей силы:

– Вы скажете мне наконец, что с ними?! Они умерли, да? Куда их везут? Скажи мне сейчас же!

Кажется, я ударила его по лицу. Несколько раз. А потом рвала на себе волосы и снова била ни в чём неповинного врача. Но в тот миг мне хотелось винить кого угодно. Мне хотелось слышать правду о том, что случилось с ребятами, но одновременно мне не хотелось узнать горькую правду. Больше всего я сейчас желала обнять Матвея, увидеть его улыбку, и чтобы он сказал, что всё хорошо. Но вместо этого я кидалась на молодого врача и кричала, что всех убью, если они не спасут их.

Неожиданно мои руки кто-то скрутил, в плечо что-то вкололи, и я стала терять связь с реальность. Запахло кровью, бензином и жжёной резиной. Возможно, здесь так пахло всё время, что я здесь находилась. Но почему-то именно сейчас, перед тем, как отключиться, я ощутила это более явственно. И небо той ночью было звёздным. И сквозь тьму прорывался свет. Синий. Красный. Синий. Красный. Синий. Красный…

Глава 1.

Очнулась я в больнице в пустой палате. Кое-как разлепив глаза, я тут же прищурилась: уже наступило утро, и яркое солнце освещало палату. Значит, я провела здесь целую ночь. Передо мной проплыли воспоминания минувшей ночи, и я, спохватившись, попыталась встать. В эту же минуту ко мне пришёл врач, осмотрела меня и, сообщив, что со мной всё в порядке, заявила, что я могу идти домой.

– Как домой? – удивилась я.

– А ты хочешь остаться здесь? – рассмеялась молодая женщина в белом халате. – Тебе всего лишь на всего вкололи успокоительное. Никаких показаний оставаться под наблюдением врачей у тебя нет.

– А как же Матвей? – спохватилась я. – И Игорь? Что с ними?

– Это ты про парней, вместе с которыми тебя привезли? Ты знаешь их? – врач с грустью покачала головой. Я резко приняла вертикальное положение.

– Вы скажете, что с ними? Как они себя чувствуют? – требовательно спросила я.

– К сожалению, нет. Они в отделении хирургии. Об их состоянии нужно узнавать у их лечащего врача. Но, насколько я знаю, парней повезли на экстренную операцию. А как она прошла, я, увы, не знаю, – врач развела руки в сторону.

Душа ушла в пятки от страха и волнения. Но радовало одно – они живы. Я срочно должна была увидеть Матвея, по-

этому, уточнив у врача, где находится хирургическое отделение, я быстро побежала на третий этаж, не обращая внимание на слабость и головокружение. Это сейчас было не так важно. Важнее – жизни моего любимого парня и друга.

Со второго на третий этаж я взбежала за несколько секунд. В конце коридора я увидела дверь, ведущую в операционный блок, и сломя голову помчалась прямо к ней. Вот только она оказалась заперта и не поддавалась мне, когда я дёргала за неё изо всех сил.

– Девушка, что вы делаете?! – ко мне подбежала медсестра в розовом медицинском костюме. – Прекратите ломать дверь!

– Где они?! – набросилась я на неё. – Они живы? С ними всё хорошо?

В глазах медсестры сразу пробежала тень сочувствия:

– Вы про разбившихся мотоциклистов?

Я медленно кивнула. Мне не нравился её взгляд. В нём не было надежды, а были лишь печаль и сострадание. Я закачала головой и стала отходить к стене, подальше от медсестры, которая знала то, о чём я знать не хотела.

– Нет! – закричала я. – Только не говорите мне, что…

– Успокойтесь, девушка, – перебила она меня, – они живы. Оба. Только находятся сейчас в крайне тяжёлом состоянии. Одному из них повезло больше, другому чуть меньше.

Я разрыдалась от облегчения и сползла спиной по стене. Живы. Это всё, что мне нужно было знать. Они выкарабка-

лись, теперь всё позади. Медсестра молча стояла рядом, терпеливо ожидая, когда закончится моя истерика. Когда мои всхлипы стали затихать, она спросила:

– Вам нужна помощь? С вами всё в порядке?

– Я могу их увидеть?

Медсестра – молоденькая девушка с россыпью веснушек – замялась и испуганно посмотрела в сторону.

– Вообще-то к ним сейчас нельзя. Врач сказал, что после сложнейшей операции им нужны тишина и спокойствие…

– Пожалуйста, – я взяла её за руки. – Мне очень нужно…

– Извините, но в таком случае я нарушу правило, и меня могут уволить. А я только-только сюда устроилась.

– Хорошо, – кивнула я, – тогда отведите меня к их лечащему врачу.

Девушка согласилась. Мы прошли по длинному белому коридору к кабинету, находящемуся в самом его конце. Осторожно постучав в дверь, медсестра заглянула внутрь и тихо попросилась войти. Пару секунд подождала ответа, а затем поманила меня. Каждое мгновение тянулось для меня, словно вечность. Мне срочно нужно было увидеть Матвея, убедиться, что с ним всё в порядке, прикоснуться к нему и сказать, как сильно я его люблю и ещё не готова потерять. Поэтому, войдя в просторный кабинет, я жалостливо уставилась на врача лет пятидесяти, на висках которого уже явно виднелась седина. Он сидел за небольшим столом и, устало потирая глаза, заполнял какие-то бумаги.

– Чего тебе, Злата? – спросил он, не отрывая глаз от писанины.

– Фёдор Васильевич, тут девушка…

– Меня зовут Маргарита Онежина! – быстро выпалила я. – И я являюсь сестрой одного из пострадавшего.

Доктор с интересом на меня посмотрел, наконец оторвавшись от своей рутинной работы. Конечно, моя фамилия была ему знакома – мой отец был достаточно известным человеком в нашем городе.

– Здравствуйте, Маргарита. А мы вот даже и не знаем имён этих бедолаг.

– Матвей и Игорь.

– И кто же из них ваш брат?

– Матвей…

– И какую же цель, Маргарита, вы преследовали, оказавшись в моём кабинете? – голос врача был монотонным и успокаивающим.

Первой моей мыслью было наброситься на него с требованием немедленно пропустить меня в палату к Матвею. Нервы были напряжены до предела, губы искусаны в кровь, а ногти то и дело впивались в ладони. Но, увидев, как в глазах доктора в виде красных радужек проступала бессонная ночь, но из-за этого в них не меркла доброта, я вдруг осознала, что этот человек всю ночь спасал моего любимого человека от смерти, боролся за жизнь Игоря и Матвея, вся моя спесь спала, превратившись в поток невыплаканных слёз:

– Я… я хотела… сказать… спасибо, что…

Дальше говорить у меня не получалось. Из меня вырвались рыдания, и глаза застлал туман из-за слёз. Я не переживала такого стресса ни разу после смерти мамы. А сейчас меня окутали страх за жизнь Матвея с Игорем и облегчение одновременно, что с ними теперь всё будет хорошо. Я верила в это.

– Злата, проводи девушку в палату, – обратился врач к медсестре, – и расскажи ей о их состоянии. Ничего не утаивай. Думаю, что дочь уважаемого человека в нашем городе заслуживает знать правду. Да и Илья Сергеевич, уверен, объявится здесь с минуты на минуту, чтобы узнать о здоровье своего пасынка.

Конечно же, в этом городе все знали моего отца. Ведь по всему городу только его сеть ювелирных изделий процветала. У многих врачей, сотрудников полиции и других значимых людей были персональные скидочные карты. И, когда я назвала свою фамилию, надеялась, что она позволит мне увидеть парней. И я не ошиблась.

На ватных ногах я шла за медсестрой, которую, как я недавно узнала, звали Златой, и даже боялась представить, какое зрелище я могу увидеть. Слова доктора о том, что я должна знать правду, пугали, но я пыталась настроить себя на то, что всё будет хорошо.

В двухместной палате шторы были задёрнуты, отчего в помещении было тускло. Даже яркий солнечный свет не про-

никал. В разных углах палаты стояли две кровати, на которых лежали мой друг и мой любимый человек. Множество трубок, перебинтованные части тела, пищащие аппараты… От увиденного у меня закружилась голова и меня затошнило. Я боялась подойти ближе.

– Кто из них ваш брат? – спросила меня Злата, и от меня не скрылось напряжение в её голосе. Уверена, что кому-то из них определённо хуже. И не хочу казаться эгоисткой, я надеялась, что моему парню всё же лучше. Не представляю, что со мной будет, если потеряю и его…

– Матвей, – прошептала я.

– А кто из них Матвей?

Я взглянула на обе кровати. Его я узнала по щетине на лице. Он лежал бездвижно, как и Игорь. Сложно было определить, кто из них пострадал сильнее.

– Он, – указала я на любимого.

– Вашему брату повезло! – Злата успокаивающе погладила меня по плечу. – Его операция была не такой сложной, как у…

– Игоря, – помогла я ей.

– Игорь находится в коме, – как приговор прозвучали слова Златы. – И неизвестно, когда он из неё выйдет. У него множество тяжёлых травм…

Моё сердце пропустило удар. Этого просто не может быть. Мне многое рассказывали про Черепа, но чтобы вот так безрассудно и жестоко калечить жизни людей… Это зверство.

– А Матвей? – мой голос дрожал. Я не узнавала собственного голоса.

– Ваш брат всё ещё спит после наркоза.

Я осмелилась сделать несколько шагов, чтобы оказаться рядом со своим любимым. Его лицо было в царапинах и ссадинах. Грудь, ноги, руки… Всё перебинтовано, и сквозь бинты просачивалась кровь. Это было самое ужасное зрелище, которое мне доводилось видеть. Ему, наверное, очень больно. И страшно. Ведь он совсем один, там, в неизвестности. Я взяла его руку в свою и упала на колени. Она была очень холодной. И этот холод прошёл волной по моему телу.

– Матвей, я здесь, я рядом, – дрожащим голосом разговаривала с ним. – С тобой всё будет хорошо, обещаю.

Я поцеловала его плечо, от которого пахло лекарствами, и тихо заплакала. Не переживу, если потеряю ещё хоть одного родного человека. Если бы я знала, что такое произойдёт, я бы не отпустила их двоих ехать за этим пришибленным придурком.

– Рита, – позвала меня медсестра. – А у Игоря есть родные, кому можно позвонить и сообщить о случившемся?

Этот вопрос немного привёл меня в чувства.

– Есть, родители, – немного помедлив, сообщила я. – Только номеров телефона у меня нет, а телефон Игоря остался в нашем доме.

– Вы знаете, что случилось? – осторожно спросила меня Злата.

– Да, – холодно ответила я.

– Тогда в ближайшее время вам предстоит тяжёлый разговор с полицией.

– И я всё расскажу.

Я до боли сжала ладонь Матвея. Я всё расскажу без утайки. Расскажу о том, о чём многие молчали после смерти Кирилла. Расскажу, кто сделал это с моими дорогими людьми.

Я рассказала медсестре всё, что знала об Игоре и о его родне. Она сказала, что они найду, как связаться с его родственниками, и оставила меня одну. Я металась между парнями и плакала, плакала, плакала… Мне было так жаль и одновременно я была так зла, что готова была убить тех, кто это сделал. Всех троих. Череп и Лёха. Но кто был третьим? Я не знала. В голове роились мысли, и в конце концов я от них устала. Я легла с Матвеем на край его кровати и уснула. Мне снилось, как он меня целует…

Глава 2

– Рита… Рит… Малина…

Сквозь сон я слышала своё имя, но никак не могла проснуться. Мне было так уютно и тепло, что не хотелось покидать объятия Морфея. Но, когда до меня дошло, чей голос я слышу, то в миг открыла глаза и встретилась взглядом с улыбающимся Матвеем.

– Матвей, – хрипло прошелестела я. – Ты очнулся.

Я крепко его обняла, забыв о том, что он после операции. Матвей глухо прошипел, и я отпрянула от него.

– Прости… Прости меня. Я забыла, что у тебя всё болит.

– Ничего, малышка, всё хорошо.

– Как ты?

Мой любимый поморщился:

– Даже не знаю. Всё болит.

– Я так испугалась за тебя, – снова обняла, только уже осторожнее. – Так рада, что ты очнулся и теперь с тобой всё хорошо.

– А Игорь? – Матвей кивнул на соседнюю кровать. – Что с ним? Он не просыпается.

По моей коже пробежали мурашки. Как сказать ему, что у его лучшего друга всё намного серьёзнее? Я молчала, не в силах произнести и звука.

– Рита? – Матвей взял меня за подбородок перебинтованной рукой и заглянул мне в глаза. Нет, в самую душу. – Ты ведь знаешь, что с ним? Я вижу, что знаешь. Скажи мне.

– Он, – я сглотнула подступившие слёзы, и в горле засвербило. – Он в коме. Мне сказали, что у него всё намного серьёзнее.

– Шансы есть?

Я покачала головой:

– Не знаю…

– Твою ж мать! – выругался Матвей. – Какого чёрта этот придурок всё никак не успокоится?

– Матвей, прошу тебя, не нервничай, – я успокаивающе гладила его по лицу, сплошь покрытое ссадинами и синяками. – Тебе нужно поправляться…

– Как мне успокоиться, если мой лучший друг находится на грани жизни и смерти?

– Я не говорила, что он находится на грани…

Я встала с кровати и посмотрела на спящего Игоря. Рядом с ним пищал аппарат, было много трубок, а самое страшное, что он был подключен к ИВЛ. Картина была не радужная, и у меня сжалось сердце. Что, если Игоря действительно не станет? Как Матвей переживёт смерть ещё одного друга? Думать об этом не хотелось.

– А здесь не нужно ничего говорить, – сказал Матвей приглушённо. – Всё и так видно. Он не может самостоятельно дышать, и в этом нет ничего хорошего.

– Надежда всегда есть, – попыталась я его успокоить. – Здесь высококвалифицированные врачи, и они до последнего будут бороться за его жизнь.

Я взглянула на Матвея. Он пустым взглядом смотрел в потолок, и по его щекам текли слёзы. Впервые вижу, как он плачет. И мне стало так больно, словно по мне проехал танк. Я так переживала за него, понимала, что ему нельзя нервничать, но как его успокоить, если ему придётся наблюдать за почти бездыханным Игорем? Это невыносимо. Я посмотрела на стоящий в углу палаты кулер с водой.

– Хочешь пить? – надеялась, что вода сможет успокоить.

– Да, – хрипло ответил Матвей. – В горле пересохло.

Я налила холодной воды в пластиковый стаканчик и помогла Старцеву её выпить, придерживая его за голову. Он был слаб. Тяжело дышал и постоянно хмурился от боли. Если бы можно было забрать себе хоть немного его страданий, я бы сделала это без раздумий. Но, увы, я не могла облегчить его боль физически, только поддержать морально.

– Давно ты здесь? – спросил Матвей, откинувшись на подушку и тяжело дыша, словно пробежал марафон. Каждое движение ему давалось с трудом.

Я посмотрела в окно, за которым опускались сумерки.

– Наверное, часов восемь. Я пришла ещё утром.

Ну надо же, как я долго проспала. Нас даже никто не побеспокоил, никто не выгнал меня. Всё же иногда фамилия папы очень полезна.

– Милая моя девочка, – прошептал Матвей и обнял настолько крепко, насколько позволяли его силы. – И ты всё это время была со мной.

– Я не могла иначе. У меня едва сердце не разорвалось на части, когда я увидела момент аварии. Не могла тебя оставить.

– Авария, – задумчиво протянул Старцев. – Череп совсем из ума выжил.

Затем округлил глаза и испуганно на меня посмотрел:

– С тобой разговаривали из полиции?

– Ещё нет, но медсестра предупредила, что в покое меня не оставят. И тебя, наверное.

– В этот раз Черепу не отвертеться. Как же я его ненавижу! – глухой удар кулаком по кровати. – В прошлый раз ему всё сошло с рук, но в этот раз я сделаю всё, чтобы он получил по заслугам!

– Матвей, – я успокаивающе гладила его по руке. – Он не останется безнаказанным. Я тебе обещаю.

– И Лёха прыгнул за ним в пропасть, – продолжал бормотать он. – Мы приняли его в свою кампанию, считали своим. А он, как крыса…

– Их же было трое, – перебила я его. – Кто был третьим? Ты узнал его? – этот вопрос мучил меня всё это время.

Одного взгляда хватило, чтобы моё сердце пропустило удар. Матвей точно узнал третьего. И я его знала. Столько сожаления было в его глазах. Не могу поверить, что кто-то

ещё из наших мог сотворить такое.

– Не молчи, – процедила я сквозь зубы. – Скажи мне, я должна знать, кто сделал это с вами.

– Малина. Только тебе решать, что ты сделаешь с этой информацией. В том, что случилось со мной и Игорем, виноваты только Череп и Лёха. Она ни при чём.

– Она?

Я дышать перестала. Догадки кружились в моей голове, но я не хотела в это верить. Хоть бы я ошибалась, хоть бы это была не моя лучшая подруга, но имя, которое назвал мне Матвей, гвоздём вошло в моё сердце.

– Это была Света.

Я упала на пол. Да, мы с ней были в ссоре, да, мы не общались. Но зачем опускаться до такого? Зачем участвовать в том, что причинило вред твоим друзьям? Светка, ну как ты могла?..

В голове всплыли слова врача из скорой помощи: «Это вы звонили?». Я никому не звонила. У меня и телефона то с собой не было. А вдруг это она? Испугалась того, что произошло, и позвонила в «скорую»? Пусть мы с ней и поссорились, но не могла же она такое сотворить. Да и Матвей говорит, что Света ничего плохого не сделала. Возможно, она не знала, на что идёт. Не понимала, не осознавала. Я готова придумать ей тысячу оправданий, ведь что бы ни произошло, она – моя подруга.

– Если ты решишь, что не хочешь причинить ей вреда, я

скрою от полиции её участие в этой безумной гонке.

– Не хочу, Матвей, – не раздумывая, сказала я. – Она не могла делать это умышленно. Её обманули, подговорили, всё, что угодно…

– Я понял, милая, понял, – с нежностью в голосе успокоил он меня. – Она твоя подруга, ты ей доверяешь, а я доверяю тебе.

Во мне сейчас кричала благодарность. Мне хотелось расцеловать Матвея, что и сделала: поцеловала в каждую ссадину его лицо, одновременно говоря ему слова о любви. Боже, как же я его люблю.

– Девочка моя, – гладил он меня по рукам, – ты даже не представляешь, на что я готов ради тебя.

– Лжесвидетельство – это же плохо, я права?

– Плевать. Мне поверят. Главное, чтобы ты не переживала из-за своей подруги. Но вы же поссорились?

– Мне не важна эта ссора. И я не хочу, чтобы у Светки были проблемы. Она точно не причинила вам вреда?

– Нет. Мы с Игорем ехали рядом. Череп и Лёха были по краям от нас. Толкнули, и мы с Игорем врезались друг в друга, а так, как мы ехали на большой скорости, нас выкинуло с дороги, и получилось то, что получилось.

Он со вздохом посмотрел на друга.

– Родители знают?

От этого вопроса на мгновение стало так тепло на душе. Родители. Мой отец – отчим Матвея, его мать – моя маче-

ха. Но в нашей семье сложились до того тёплые отношения, что мы оба действительно считали их родителями. Родными. Любящими и любимыми.

– Не знаю. Мой телефон остался дома. Вернее, лежит на улице рядом с бассейном. Я им не звонила. Но почему-то мне кажется, что им сообщили из больницы. Ты же знаешь, что мой отец…

– Да. Его все знают в этом городе. Наверняка они уже мчатся сюда. Жаль, что мы испортили им отпуск.

– Митенька! – словно ответ на вопрос прозвучал голос Татьяны Владимировны сразу после того, как дверь в палату распахнулась. Я тут же отпрянула от кровати Матвея, открывая доступ к нему его матери. – Как ты, сынок?

Она плакала. Бросилась к сыну и стала покрывать поцелуями его лицо. Я закрыла рот рукой, чтобы никто не услышал мои всхлипы.

– Рита, – позвал меня отец и кивком указал на дверь. – Давай выйдем, есть разговор.

Глава 3

Я вышла из палаты вслед за папой, и он тут же обнял меня. Прижал к себе так крепко, что я чуть не задохнулась. Я заплакала, не сдержав в себе приступ рыданий после произошедшего. В этот день мне вообще хотелось много плакать. Я была так потрясена тем, что случилось, и я держалась при Матвее, чтобы не нагонять на него лишние переживания, а рядом с папой я просто разрыдалась. Он успокаивал меня. Гладил по спине, убаюкивал, шептал, как сильно меня любит. А я просто выливала на него поток слёз, которые всё никак не собирались заканчиваться.

– Хочешь кофе? – спросил меня папа через несколько минут, когда я более или менее успокоилась.

– Хочу, – сказала я голосом маленького, избалованного ребёнка. Мне действительно в этот момент хотелось почувствовать себя ребёнком, которого успокоит всего лишь маленькая радость в виде сладости, купленной родителями в магазине.

– Одну минуту.

Папа ушёл к кофейному аппарату, а я села на мягкую скамейку перед палатой Матвея. Я слышала, как из-за двери доносится плач моей мачехи, её причитания и бесперерывные слова Матвея: «Мам, успокойся». Я не могу представить, что

чувствует мать, когда её ребёнок находится в таком состоянии, но помню, как тяжело переживала моя мама из-за любой царапины на моём теле.

– Держи, милая, – папа протянул мне пластиковый стаканчик с капучино, и я с наслаждением вдохнула его аромат. – Расскажешь мне, что случилось?

И я рассказала. Всё. До малейших подробностей, утаила только одно: что мы с Матвеем любим друг друга. Я не знаю, как на наши чувства отреагируют родители, поэтому решила об этом пока умолчать.

– Значит, в нашем доме нужно будет менять стёкла? – подытожил папа, выслушав мой рассказ.

– Стёкла? – посмотрела я на него предвзято. – Тебя сейчас это волнует? Матвей совсем недавно очнулся после операции, а тебя волнуют какие-то стёкла?

– Состояние моего сына волнует меня в первую очередь, Рита.

Сына. Так непривычно слышать это слово из уст отца. Он действительно считает Матвея своим сыном. И кто бы знал, как мне неудобно становится перед папой. Для него и Ирины Владимировны мы всего лишь дети. Но мы с Матвеем любим друг друга, и далеко не как брат и сестра. Я, наверно, никогда не признаюсь в этом папе. Хотя однажды рассказать придётся. И им обоим придётся смириться с нашими отношениями. Как вообще можно запретить сердцу любить? Не представляю. Никого никогда не любила так, как Матвея.

– Почему ты называешь его сыном, пап? – вдруг спросила я.

– А кто же он мне? – папа улыбнулся. – Неродной, конечно, но я люблю Таню, и она меня любит, поэтому вы – наши дети. И вообще, что ты здесь делаешь? У вас с Матвеем вроде отношения были натянутыми.

Я напряглась:

– Натянутые отношения – совершенно не значит, что мне должно быть плевать на сводного брата.

– Ты права, дочка, – папа кивнул. – Когда мне позвонили из больницы, мы с Таней сразу взяли билеты на ближайший самолёт. Она была сама не своя. Всю дорогу я пытался её успокоить, но, когда мы вошли в палату, и я увидел Матвея в таком состоянии, мне самому захотелось наброситься на него и защитить ото всего.

– Пап, – я внимательно на него посмотрела. – Ты же знаешь его всего чуть больше месяца.

– И люблю его, как родного сына, – улыбнувшись, посмотрел на меня отец. – Когда умерла твоя мама, я думал, что не найду себе места в этой жизни. Не знаю, злишься ты на меня или нет, но, когда я встретил Иру, я понял, что ещё способен дышать.

Я взяла отца за руки:

– Я не злюсь на тебя, пап, наоборот, я счастлива, что ты нашёл ещё одну свою любовь. Я не хочу, чтобы ты страдал. Я хочу, чтобы ты был счастлив.

– Деточка моя, и когда ты успела стать такой взрослой?

В ответ я лишь улыбнулась и прижалась к отцу. От него пахло кожей, и это мой самый любимый аромат с детства. Эти духи дарила ему мама, и папа до сих пор ими пользуется, и я рада, что Ирина Владимировна совсем не против.

Папа вернулся к разговору об аварии:

– Так это сделали ваши друзья?

– Друзья бы такого не сделали.

– А ко второму парню кто-то приходил?

– Нет, пап. Хотя у него есть родители.

– Врач сказал, что не могут никому дозвониться из родственников.

– И я не знаю почему, – пожала я плечом. – Пап, у Игоря тяжёлое состояние, ему нужно помочь. – Я знала, что лечение в этой клинике стоит дорого, но папа меня вновь удивил:

– Я уже оплатил его лечение. Ира рассказала мне, насколько Матвей близок со своим другом. И я не хочу, чтобы он переживал трагедию.

– Спасибо, пап, – искреннее я его поблагодарила.

– Так значит Череп, говоришь? – задумчиво спросил папа.

– Да, Женя Череповский, – утвердительно кивнула я.

– Знакомая фамилия…

Папа взъерошил волосы и задумался.

– Хорошо, мой адвокат со всем разберётся. Поехали домой, детка? Думаю, Ире нужно время, чтобы побыть с сыном.

– Можно мне попрощаться с Матвеем? – осторожно спросила я. – Собираюсь ходить к нему каждый день.

– Конечно, дочка. Я так рад, что вы, наконец, нашли общий язык.

Я усмехнулась. Папа ещё даже не представляет, насколько общий у нас язык. Я просунулась в дверной проём и встретилась взглядом с Матвеем. Он смотрел на меня так, будто просил: «Избавь меня от этой женщины». Ведь Ирина Владимировна всё ещё причитала у его кровати. Хихикнув, я помахала ему рукой и одними губами сказала, что приду завтра. Закрыла дверь, и только одному Богу известно, как сильно я хотела остаться. Но понимала, что матери нужно побыть с сыном, пусть Матвей этому не очень-то и рад.

***

Дома уже царил порядок. Всё-таки услуги клининговых компаний иногда бывают очень полезными. Когда мама была жива, она предпочитала делать уборку в доме самостоятельно, говорила, что не любит, когда посторонние трогают её личные вещи, и каждый раз бранила папу, когда он предлагал ей доверить уборку в доме специально обученным людям. Когда же мама умерла, люди из клининга стали часто появляться в нашем доме. Как и сегодня. Уборка проходила под контролем охранников, и я была рада, что из больницы я вернулась в прибранный дом. Даже во дворе не осталось и следа от нашей вчерашней вечеринки.

Пока я принимала душ, папа решил приготовить ужин.

Только когда из кухни в мою спальню ворвался аромат жареной курицы, я поняла, как сильно голодна. Перед тем, как спуститься к ужину, я заглянула в спальню к Матвею. Его телефон лежал на тумбочке. Руки сами потянулись к нему, я разблокировала экран, и увидела больше десятка пропущенных звонков. Все они были от одного человека – Яны. Надо же, я уже почти забыла об этой девушке. Раньше я слышала, как Матвей вечерами разговаривает с ней по телефону, и прекратились такие разговоры только после того, как между нами возникли чувства. Я знала, что Матвей любит меня, доверяла ему, но неприятное чувство засосало под ложечкой.

Кто эта Яна? Бывшая Матвея? Вряд ли бы он так мило ворковал со своей бывшей девушкой. А вдруг она настоящая? А я тогда кто?.. Додумать я не успела. Телефон в моей руке завибрировал, и на экране снова высветилось имя этой загадочной девушки. Борясь с искушением ответить на звонок, я бросила телефон на кровать и, как ошпаренная, выскочила прочь из спальни. Завтра спрошу у Матвея прямо, кем является ему эта девушка, если не узнаю, не смогу спать спокойно. Я успокоюсь только в том случае, если Матвей, глядя мне в глаза, скажет, что эта Яна ничего для него не значит, что это просто подруга или коллега, с которой у него нет и быть не может никаких отношений.

Я захлопнула дверь и прижалось к ней спиной, приводя в порядок своё дыхание. Телефон всё ещё разрывался, соблазняя меня вернуться и ответить на чужой звонок. Нет. Я не

хочу услышать что-то плохое по телефону. Лучше всё узнать от Матвея. Возможно, я себя просто накручиваю. Я положила руку на сердце, которое колотилось, как сумасшедшее. В висках пульсировала кровь и будто шептала её имя: «Яна. Яна. Яна». Так можно свихнуться.

– Рита, дочка, ужин готов, – услышала я папин голос и поспешила вниз.

– Иду, пап, – старалась говорить спокойно, но голос дрожал. Мне нужно успокоиться, не паниковать раньше времени. Нужно просто поговорить с Матвеем, и он обязательно развеет все мои сомнения. Обязательно.

Глава 4

— Какого чёрта вы оба натворили?! — Света забежала в свою квартиру следом за парнями и, по очереди их толкнув, снова словесно на них накинулась. — Совсем сдурели? Вы понимаете, что могли их убить? Мы об этом не договаривались! А что, если с ними действительно что-то случится?

Ей не хватало воздуха, от страха и пережитого адреналина она задыхалась, в груди нарастала паника, и Света то и дело хваталась за волосы от безысходности. Перед её глазами стояла страшная авария, после которой с трассы улетели Матвей и Игорь, и было неизвестно, живы они или нет.

— Это всё ты виноват! — в очередной раз накинулась Света на Черепа, который стоял на кухне и залпом допивал уже который стакан воды. Череп зашипел и схватил девушку за горло так сильно, что у неё перехватило дыхание, и она стала беспорядочно размахивать руками.

— Заткнись, дура! Если бы ты сделала всё правильно, они оба отделались бы девчачьим испугом и парой несерьёзных царапин. Но нет. Ты в последний момент испугалась. И на хрена я с тобой связался?

— Эй, чел, полегче, — предостерёг его Лёха, и Череп разжал пальцы. Света отшатнулась от него и забилась в дальний угол, жадно вдыхая воздух и одновременно кашляя. В

какой-то момент ей показалось, что Женя Череповский её задушит и глазом не моргнёт. На нём уже числится как минимум одна смерть, и все, кто был этому свидетелем, знали об этом.

«Что вообще на неё нашло, раз она решила ввязаться в авантюру с этим монстром? С каких пор она так ненавидит свою лучшую подругу из-за парня?», — спрашивала себя Света. Ведь, решив подставить Риту, она подставила саму себя. От этого было стыдно и противно.

— И что нам теперь делать? — задал вопрос Лёха, переводя взгляд то на Свету, то на Женю. — Они же нас сдадут, когда на них насядут менты, — он нервно кусал губы в то время, как Череповский противно оскалился:

— Не сдадут, если не выживут.

Света испуганно вскрикнула. Сразу после аварии она вызвала «скорую», надеясь, что ребятам вовремя окажут всю необходимую помощь. Ей не хотелось думать о плохом исходе. Ведь это же её друзья… Были. Рита ни за что не простит её. А всё произошло из-за глупой ненависти и желания отомстить.

После слов Жени Лёха сильно ударил его по лицу.

— Ты совсем что ли… — взревел Череп, пошатнувшись.

Но договорить не успел. Лёха снова ударил со словами:

— Это ты рехнулся, чуть не погубив наших друзей.

Из носа Черепа струями потекла кровь, пачкая мебель, пол и стены в квартире. Он взбесился. Оскалился, словно

дикий зверь, и эта картина усугубилась кровью, стекающей по его зубам. Зрелище было адским. Предвещающим беду. Света тихо заплакала от ужаса, сковавшего её. Она боялась, что этот недоносок причинит вред парню, в которого она, кажется, стала влюбляться. Простая постельная интрижка начинала перерастать в нечто большее.

Не понимая, что делает, она встала между парнями, заслоняя от Череповского Лёшу.

— Не смей его трогать, придурок, — смело вздёрнула она подбородок, но несмотря на свою внешнюю смелость, изнутри её трясло.

— Значит, это я плохой, да? — Череп раскатисто рассмеялся, запрокинув голову. От его смеха мороз побежал по коже. Лёша за талию притянул Свету и спрятал её за свою спину:

— Не геройствуй.

Голос Жени снова громовым раскатом прогрохотал по комнате:

— Вы оба, значит, согласились подставить своих так называемых друзей, а виноват во всём оказался только я? Лихо вы, ребята, переобулись. Лихо. Только знайте, — зло процедил он, пожирая своих напарников кровожадным взглядом, — если я пойду на дно, то потяну вас за собой.

— Что нам делать? — растерявшись, спросил Лёша.

— Что, испугался? — с издёвкой спросил Череповский. — Валить нам надо отсюда, пока не поздно. Если эти двое

выкарабкаются с того света после столь кринжового полёта в воздухе и удара о землю, в ближайшие дни к нам пожалуют гости в очень некрасивой форме. И всё. Солнышко светить нам будет только в крохотное окошко с железными решётками.

Ответом ему послужило молчание. Холодное, тягучее, сдавливающее горло. Страшно было всем, но из ситуации как-то надо было выходить. Все трое вляпались, и болото только-только начинало их засасывать в вонючую тину, из которой выбраться им поможет только чудо.

— Что с обещанными деньгами? — небрежно бросил Лёха спустя несколько томительных минут.

Череп сверкнул на него ехидным взглядом, от которого Света вжалась в спину своего защитника.

— А мне нравится твоя противная, жадная душонка. С пеной у рта пытаешься выставить меня животным, а сам непрочь полакомиться денежками, заработанными на крови у друзей. Хорош же ты…

Лёше и самому было противно от самого себя. Он скривился от замечания, которое попало прямо в цель. Но, если им придётся бежать, деньги им будут нужны. И не маленькие. Всё-таки дело сделано, а за вывод из строя Старцева, Череп обещал неплохо заплатить.

— Ладно, дружок, — Женя мерзко похлопал его по плечу. — Вместе вляпались — вместе будем выбираться. Деньги в надёжном месте. Собирайте всё необходимое: вещи, до-

кументы. Нам нужно свалить до рассвета, пока нас не повязали.

— И куда мы поедем? — пропищала Света. Её голос изменился до неузнаваемости. Перспектива быть всю жизнь в бегах пугала до чёртиков, но тюрьма пугала ещё сильнее.

— На кудыкину гору, — злорадно хохотнул Череп и скрылся в ванной.

Только вот никто из них троих ещё не знал или старался не думать о плохом, а именно о том, что они так и не успеют добраться до той самой горы, о местонахождении которой никому в мире было неизвестно, кроме Черепа. Свете и Лёше очень хотелось в это верить.

***

Следующий день для нашей семьи был очень выматывающим, тянулся долго и выпил из нас всю энергию до последней капли. Ранним утром к нам пожаловал папин адвокат и устроил мне настоящий допрос. Придирался к любой детали, а я рассказывала о том, что знала. Думая о том, что Матвей получил серьёзные травмы, а Игорь и вовсе находится на грани жизни и смерти, я начинала ненавидеть Череповского. Эта ненависть зародилась крохотным семечком в груди, которое быстро прорастало, проникала ветками в каждую мою клеточку и вот-вот должна была вырваться наружу, и я не знала, чем это может обернуться для меня и окружающих. Адвокат говорил мне, что Черепа найдут и посадят, но мне этого казалось недостаточным. Он должен понести более се-

рьёзное наказание, и я судорожно пыталась придумать, что я могу сделать.

Несколько раз я задумывалась о том, чтобы придушить его собственными руками, уничтожить, превратить в пепел, но здравый смысл не давал мне сойти с ума. Я не опущусь до такого. Я не хочу стать такой же, как этот моральный урод. Но также я понимала, что всё-таки придётся оставить решение о его дальнейшей судьбе уполномоченным на то органам.

Перед тем, как адвокат покинул наш дом, он о чём-то поговорил с моим отцом. Разговор я не слышала, но после этого папа стал чернее тучи. Я хотела спросить его, о чём они разговаривали, но почти сразу к нам пришли несколько сотрудников полиции, и мне пришлось пережить ещё один допрос. Я не рассказала только про Свету, как мы и договорились с Матвеем. Со слов полицейских я поняла, что они уже были в больнице, Матвей и родители Игоря написали заявление на Череповского и Лёшу, и их уже объявили в розыск. Так как прошло достаточно много времени после случившегося, они успели скрыться. Самый частый вопрос, на который мне пришлось отвечать: не могло ли это быть несчастным случаем? Нет.

Эта авария не была случайной. Она была заранее спланирована. Матвея с Игорем специально вынудили сесть на мотоциклы и отправиться в опаснейшую гонку. Я знала. Я видела, как всё произошло. И очень просила сотрудников по-

лиции наказать виновных.

Татьяна Владимировна всё время плакала, а папа её успокаивал. Ей кто-то позвонил, и она, всхлипывая, назвала адрес больницы, в которой лежал Матвей. Кто бы это мог быть? Может, кто-то из родственников? Я уже и сама не могла дождаться, когда всё это закончится, и я убегу в больницу. Ужасно соскучилась по Матвею и мне просто было необходимо обнять его после такого тяжёлого дня. Поэтому, как только допрос окончился, я переоделась в белый топ и джинсовые шорты, наспех заплела волосы, взяла с собой телефон Матвея, чтобы мы могли с ним переписываться и созваниваться и, забежав в гараж, в котором стоял мой мотоцикл (папа позаботился, чтобы его доставили с места происшествия в целости и сохранности), рванула в сторону больницы. К сожалению, мотоциклы Матвея и Игоря восстановлению не подлежали. Но сейчас не это самое страшное.

Припарковавшись возле входа, я побежала к лифту, который, по счастливой случайности только что подъехал на первый этаж. Двери его разъехались, и я столкнулась с выходящей из него девушкой.

— Извините, — не глядя на неё, бросила я и посторонилась. Она на секунду задержалась в проёме, и я ощутила её взгляд на себе. Тоже на неё посмотрела. Это была высокая стройная брюнетка, с большими губами и пушистыми наращенными ресницами. Загорелая, словно только что вернулась из солярия, в котором провела, казалось, не менее неде-

ли без перерыва. Короткое платье, едва прикрывавшее ягодицы и откровенное декольте. Не нравились мне такие пассии. Наверно потому, что сама была их полной противоположностью.

Она высокомерно осмотрела меня с ног до головы, презрительно хмыкнула и ушла, оставив после себя шлейф земляничного аромата. Я закатила глаза и уехала на лифте на этаж к Матвею.

Глава 5

Матвей.

Ужасный день. Выматывающий. Голова болит ото всего, и ещё эти приторно сладкие духи вызывают приступ тошноты. И как они могли мне нравиться раньше? Целый день менты и адвокаты, менты и адвокаты... Хотелось бы верить, что Черепа, наконец, посадят, но всё это было утомительно. Поднять мне настроение могла только Рита. Моя Малина. Её улыбка и голос, смех и искренний влюблённый взгляд… Наверно только из-за неё я не сдох в ту проклятую ночь. Помню только темноту и холод, как пытался выбраться из какого-то тесного помещения, но не получалось. И только, когда я услышал своё имя, произнесённое её мелодичным голосом, который донёсся до меня издалека, я заставил себя открыть глаза.

Рита лежала рядом со мной и беспокойно спала. Постоянно дёргалась и всхлипывала. Бедная моя. На её глазах всё и произошло. Она видела нас с Игорем, и я уверен, что она после этого была на грани сумасшествия. Переживала. Не оставила меня одного. Моя смелая девочка, которую я, тупой ублюдок, обманываю! Но я всё ещё не знаю, как сказать ей правду, и отпустить Риту тоже не могу. Слишком сильно её люблю. Чувствую себя просто отвратительно.

Когда из палаты смылись все люди в форме, я облегчённо выдохнул. Тишина. Нет, не мёртвая. Её нарушал лишь пищащий аппарат, который поддерживал жизнь моего друга. Игорь не подавал признаков жизни. Просто лежал и не шевелился. Даже его веки ни разу не дёрнулись за всё время, что я на него смотрел. Я звал его, умолял очнуться, но рыженькая медсестра, кажется, её зовут Злата, только качала головой. Она часто к нему приходила, проверяла показатели, меняла капельницу, ставила уколы… И каждый раз, когда она появлялась в нашей палате, я тщетно надеялся, что она скажет что-то хорошее. Но шансов у Игоря было мало. Глубокая кома. Врачи делают всё, что в их силах. Но я не готов потерять ещё одного друга. Это же просто бред какой-то. После смерти Кирилла только мы вдвоём остались с этим горем, тащили друг друга и продолжали жить. Второй раз я этого не вынесу. Только не в ближайшие лет пятьдесят. Или семьдесят.

Потом пришли его родители. Они, оказывается, уехали за город, оставив телефоны дома. Только из сводок новостей узнали о случившемся и примчались в больницу. О Боги! Как же плакала его мать. Я порвал простыни, наматывая их на кулаки, борясь с яростью и собственными слезами. Мать Игоря даже в обморок свалилась, и врачам пришлось её откачивать. А его отец просто стоял, прислонившись к стене, и безэмоционально смотрел на сына. Вели себя так, будто уже похоронили его. Но шансы есть всегда. Он выкарабкается.

Он сильный.

Родителей Игоря уговорили уехать домой, убедив их в том, что их сын находится под круглосуточным наблюдением врачей. Они уехали, и снова наступила тишина. В этот раз гнетущая. И пик… пик… пик...

Чёртов Череп! Размазал бы по стенке его, чтобы и мокрого места не оставить.

— Да чтоб ты сгнил в тюрьме, ублюдок! — выкрикнул, не сдержавшись, и ударил по кровати.

В этот миг дверь в палату распахнулась, и внутрь забежала Яна. Ей что здесь ещё нужно?

— Матвей! — зарыдала она и бросилась к моей кровати. — Как ты?! Я звонила тебе вчера весь день, а потом увидела по новостям, что с тобой произошло, и сразу приехала сюда!

— Зачем? — задал ей вопрос, тихо отстраняя девушку от себя.

— Как зачем? — она явно опешила от моего холодного приёма. — Мы же с тобой…

— Мы никто друг другу! Ясно тебе?!

Эмоций на сегодня у меня было предостаточно. Я кипел, словно вулкан выбрасывал пепел, угрожая мощнейшей катастрофой, если меня не оставят в покое. Яна не должна быть здесь, не должна появляться рядом со мной. Ведь в любой момент может появиться Рита.

— Как это — никто?

Каким-то наичудеснейшим образом она перестала пла-

кать. Вытерла салфеткой влагу со щёк, и я с усмешкой заметил, что у неё даже глаза не покраснели. Актриса, блин, из погорелого театра. Стоит передо мной, хлопает своими длиннющими ресницами, как будто я сказал ей, что у неё вдруг выросла третья рука.

— Для чего весь этот театр, Ян? Мы же договорились с тобой, что никаких обязательств. А ты устроила в палате кордебалет.

— Театр, значит? — её брови возмущённо поползли вверх. — А ты, мой дорогой, не забыл, что мы с тобой…

— Замолчи! — перебил я её и покосился на дверь. Если сейчас здесь появится Рита, она не должна слышать этот разговор. Не должна узнать всё так. Я сам ей скажу. Когда-нибудь. Мягко. Она поймёт меня.

— Ждёшь её? — Яна гордо вздёрнула подбородок.

— Кого? — я закатил глаза.

— Свою пацанку-Онежину, по совместительству твою сводную сестру.

— Тебе какая разница? Я же не предъявляю тебе, с кем ты трахаешься на своих Мальдивах, Бали и где ты там ещё была.

— Значит, слухи не врут. Всё-таки ты трахаешься с ней.

— Я что-то не пойму, какого чёрта тебе надо?

— Мне нужно напомнить тебе о нашем договоре, Старцев. Осталось восемь месяцев.

Она склонилась надо мной, прошипев эти слова, словно змея, готовая накинуться на жертву. В нос ударил аромат

земляники и ванили. Раньше я сам вонял этим запахом, потому что не вылезал из койки Яны, а теперь он мне противен. Малина пахнет намного приятнее…

— Я пока не жалуюсь на провалы в памяти. Восемь месяцев истекают не сегодня и не завтра.

Яна ехидно улыбнулась. Её накаченные губы, которые не раз скользили по моему члену, расползлись по её полностью искусственному лицу:

— Ты не исправим, Матвей. Поиграть и бросить — твой девиз. Бедняжка, всё-таки, твоя сестричка. Влюбилась теперь в тебя по уши, а ты ей преподнесёшь такой сюрприз. Ц-ц-ц.

Её слова буквально пробили в сердце дыру. Не хотелось в этом признаваться, но доля правды в них всё же есть. Но своего разочарования я показывать не стал.

— Сама то не влюбилась? Закатила тут сцену ревности.

Могу поклясться, что услышал, как она скрежетнула зубами.

— Ян, — устало вздохнул я. — Иди уже, занимайся своими делами. И не суйся ко мне. Я не хочу, чтобы тебя видели.

— Не хочешь, чтобы меня видела она?

— Если и так, то что?

— Ничего, — ядовито выдавила она из себя и пробкой вылетела из палаты, даже ни разу не споткнувшись на своих высоченных шпильках.

Она не изменяла себе: всё так же выглядела, как девушка

лёгкого поведения, выставляя свои прелести напоказ. И когда-то меня это привлекало. Встретив Риту, я понял, что намного интереснее разгадывать загадку, что же может находиться не под платьем, а гораздо глубже, там, где находится душа…

Рита появилась в палате бесшумно. Без наигранных слёз и тупых истерик. Она скромно улыбалась, и мне показалось, что вместе с ней вошло и солнце. Стало тепло и радостно. Мне вдруг захотелось забыть о грусти хоть на несколько мгновений. Рядом с ней.

— Привет, — прошептала она, и я знал, что она хочет заплакать. Её нижняя губа затряслась, но Рита держалась, чтобы не травить мою и так отравленную душу.

— Иди сюда, малышка, — я приподнялся, насколько мне хватило сил, и Рита осторожно прижалась ко мне. Наконец, я смог вдохнуть полной грудью. Только рядом с моей девочкой у меня ничего не болело, а сердце начинало стучать так быстро, словно вспоминало, что всё ещё живо… — Я так по тебе соскучился.

Она в ответ что-то промурлыкала и легла рядом, по-хозяйски закинув на меня ногу. Я нахмурился от боли — нога Риты попала прямо на большую ссадину, но вида не показал. Пусть располагается, как ей удобно, а я потерплю. Моя девочка. Моя нежная. Моя любимая… И путь хоть весь мир вокруг рухнет, мне плевать, когда рядом со мной она…

Глава 6

— Я кое-что тебе принесла, — я вспомнила про телефон и потянулась за рюкзаком. Глубоко втянула воздух и только сейчас поняла, чем в палате пахнет. Земляникой. Такой же сладкой, как от той девушки, с которой я столкнулась в лифте. Неужели эта девушка приходила к Матвею? Яна? Под кожей мгновенно разлился адреналин, и сердце застучало о грудную клетку, словно молот о наковальню. И почему это короткое женское имя действует на меня, будто красная тряпка на быка? Нехорошее у меня, блин, предчувствие. Ой, нехорошее.

— У тебя кто-то был? – спросила я Матвея, протягивая ему смартфон.

— С чего так решила? – от меня не ускользнуло его напряжение после простого, казалось бы, вопроса.

Я пожала плечами, стараясь казаться невозмутимой:

— Кто-то звонил сегодня твоей матери, и она назвала адрес больницы. А ещё здесь пахнет женскими духами…

Матвей сделал вид, будто с интересом разглядывает что-то в телефоне. Мне не нравилось это поведение, словно он что-то от меня скрывает или не договаривает.

— Может быть, это от мамы Игоря остался запах? Она сегодня долго здесь пробыла.

— Странно, — не унималась я. — Буквально за пару минут до того, я вошла сюда, столкнулась с девушкой в лифте, от которой пахло точно так же. Кто она, Матвей? Я видела, что тебе много раз звонила какая-то Яна.

— Ревнуешь? – улыбнулся Матвей, но эта улыбка не скрыла от меня его напряжение. Что-то здесь явно не так.

Не хотелось в этом признаваться, но да. Я ревновала. И не беспочвенно. Я ещё не знала, могу ли доверять Матвею, ведь мы ещё слишком мало времени провели вместе, но мне хочется, чтобы он меня успокоил, сказав, что Яна не представляет ничего важного и особенного для него. И я поверю. Не хочу сомневаться в его словах. Но он молчит. Именно это меня и триггерит. «Ну скажи хоть что-нибудь. Пожалуйста. Успокой моё разбушевавшееся сердце. Оно сейчас разорвётся от сомнений». Мысленно я уговаривала его.

— Яна – моя бывшая девушка, — наконец на выдохе произносит Матвей, и я с облегчением опускаю плечи.

Ну хоть что-то. Лучше, чем ничего. Хотя… Лучше ли?

— Рит, только ты не подумай ничего, — поспешил оправдаться. – Я уже давно ничего к ней не чувствую, она для меня ничего не значит.

— Успокойся, Матвей, — обняла его, — я не ревную к прошлому, если оно на самом деле является прошлым.

— Рита, — он жадно прильнул к моим губам. – Ты самая лучшая девушка на свете. А эта Яна просто не может меня отпустить. Считает, что я ей чем-то обязан.

— Надеюсь, это беспочвенно?

Матвей не ответил. Он так крепко меня обнял, что мои внутренности готовы были вылезти наружу. Я тихо рассмеялась. Это было так мило, что я забыла обо всех тревогах.

Я пробыла в больнице до поздней ночи. Врачи меня не выгоняли (благодаря моему отцу), и я как могла ухаживала за своим любимым. Кормила его, помогала вставать, и он, опираясь на меня, делал свои первые шаги после аварии. Вечером к нам в палату заглянули наши родители, но пробыли недолго: ушли, как только Ирина Владимировна сказала, что её сын в надёжных руках, и как они счастливы с моим отцом, что мы с Матвеем подружились.

Игорь тоже не остался без моего внимания. Несмотря на то, что Злата приходила проверять его состояние каждые два часа, я тоже поправляла ему одеяло, убирала со лба вьющиеся волосы и разговаривала с ним.

— Как думаешь, — спросила я Матвея. – Он справится? Выберется из этой ямы?

— Уверен, что да. Иначе я его убью. Пусть только посмеет умереть раньше срока. Слышишь меня? – опираясь на костыль, Матвей нагнулся над Игорем и громко повторил: — Не вздумай сдаваться, понял?

Мне стало грустно. Это терзающее чувство, которое присуще каждому, кто находится в больнице, вызывало лишь нескончаемую тоску. Здесь пахло надеждой и обречённостью одновременно. Особенно в этой палате, где Матвей шёл

на поправку, а Игорь так и был на грани чего-то непоправимо страшного.

— На этот раз Череповский должен понести наказание. Ему не может ещё раз сойти такое с рук, — сжав в ладони кулаки, процедила я сквозь зубы. Лютая ненависть снова охватила меня к этому ужасному человеку.

— Мы сделали всё, что от нас зависело, Рита. У Ильи Сергеевича очень хороший адвокат, он не допустит, чтобы виновный остался безнаказанным.

***

Позже вечером, когда я уже вернулась из больницы и лежала в ванной, я пыталась дозвониться до Светы. Мне хотелось, нет, мне даже было необходимо поговорить с ней о случившемся. Она должна знать, что мы с Матвеем ничего про неё не рассказали, что ей нечего бояться. Но абонент был настойчиво недоступным. Я писала ей смс, строчила сообщения в социальных сетях, но она была не в сети. Я волновалась за свою подругу, хоть и бывшую. Уверена, что она не хотела причинить вред своим друзьям, только стала жертвой обстоятельств. Да и «скорую» в ту ночь скорее всего вызвала именно Света. Больше некому. Поэтому у меня болела за неё душа. И пусть моя подруга поступила не очень красиво, приревновав меня к Матвею, и слишком опрометчиво, связавшись с Черепом, всё же нашей дружбе много лет, и я не могла просто так всё взять и перечеркнуть. Я должна помочь ей от совершения подобных глупостей в будущем. И я сде-

лаю для этого всё. Как знать? Может быть у нашей дружбы ещё есть шанс?

***

Та ночь была нервной и бесконечно долгой. Света с Женей и Лёшей наспех отмыли квартиру от крови, собрали вещи и уехали на своих мотоциклах подальше от города. К утру они уже были за несколько сотен километров от их родного города. Когда солнце вышло из-за горизонта, они решили остановиться в придорожном кафе, чтобы подкрепиться и отдохнуть.

Света была настолько выжата морально и физически, что первым делом направилась в уборную, чтобы привести себя в порядок. Всю ночь они ехали и ехали, ехали и ехали. Она понятия не имела куда, так же, как и Лёша. Но они следовали за Черепом в надежде скрыться от наказания за совершённое преступление. Какое же это было страшное слово. Света никогда даже представить не могла, что однажды окажется в рядах преступников и будет скрываться от полиции. И что подумают про неё родители? Она горько усмехнулась: ничего. Им просто плевать на неё. Каждый устраивает свою личную жизнь, а Свете просто купили квартиру, чтобы она жила отдельно и не мешала.

Когда она взглянула на себя в зеркало в женском туалете, то ужаснулось: лицо осунулось всего за несколько часов и покрылось морщинами, глаза были покрасневшими и усталыми. Она постарела. Произошедшее сводило её с ума, па-

ника овладела всем телом и, разрыдавшись, она села на пол, наплевав на его «чистоту». Ей было всё равно.

Она преступница, хоть и не сделала ничего плохого. Просто из-за своей ненависти к лучшей подруге согласилась на сделку с Черепом. Она просто хотела напугать Риту, смыть с её лица счастливую улыбку и влюблённый взгляд. Хотела разрушить их с Матвеем любовь. Ведь он так понравился Свете. Она, как фанатка, ждала его возвращения в город, сделала всё, чтобы он обратил на неё внимание, и в первую же ночь переспала с Мотом. Думала, что так завоюет его, сделает своим. Он был её идеалом: красив, богат, сексуального телосложения, уверен в себе и благороден. Мечта каждой девушки. Парень-идеал. А запал он на тихоню Риту, которая не следит ни за своей одеждой, ни за манерами, да ещё и девственница. Такие встречаются только с неуверенными в себе ботанами, потому что такие, как Матвей, попросту не обращают внимание на подобных девушек. А вот на Риту обратил. И влюбился в неё. И она в него тоже влюбилась. А теперь Света платит за свою зависть свободой.

Она сжала в кулаки свои волосы и, больно потянув за них, бесшумно закричала. Тихо-тихо, чтобы никто не услышал, но даже эта тишина заложила уши. Она просто хотела любить. Любить Матвея. Всё рухнуло, когда Света узнала, что он – сводный брат её лучшей подруги, а потом увидела, что вокруг них просто искрит. Может, они и ненавидели друг друга, но ненависть так часто перерастает в любовь, что Све-

та сразу поняла, что Рита теперь не столько подруга, сколько соперница.

А потом случился Лёша. Заботливый такой, говорящий комплименты. Он защитил её перед Черепом, и в её сердце будто что-то переключилось. Он стал ей нравиться. Не Матвей, а именно Лёша. Только поняла всё это она слишком поздно, когда случилось непоправимое, и поэтому намного больнее воспринимать реальность. Чем теперь обернётся её жизнь? Бегами? Прекрасно. Просто замечательно. Героиня американского боевика. Только вот она не актриса, а настоящий человек, который вляпался в дерьмо по своей глупости.

Умывшись, Света зачем-то включила телефон. Что-то внутри подсказывало ей сделать это, будто там могло быть спасение. Череп строго-настрого запретил появляться в сети, но там, в трёхстах километрах отсюда, остались родители, которые могут волноваться (Света на это надеялась. Может быть, её исчезновение заставит их вспомнить о ней). Но не от родителей пришли десятки пропущенных вызовов, не от родителей поступило сообщение, которое казалось спасительным. А от той, которую Света теперь считала своим врагом. От Риты. Девушка неуверенно открыла сообщение и быстро пробежала по нему глазами: «Света, не думай, что я теперь тебя ненавижу. Я видела, что произошло, и знаю, что ты не виновата. Мы с Матвеем ничего не сказали полиции о том, что ты принимала участие в том кошмаре, поэтому можешь ничего не бояться. Если наша с тобой дружба не осталась для

тебя пустым местом, позвони, нам нужно поговорить».

После прочтения сообщения Света выключила телефон и почему-то с невероятным облегчением выдохнула. Как минимум Матвей жив. И в сознании, раз уже разговаривал с полицией. А вот про Игоря ничего не было сказано. Его состояние остаётся для Светы неведомым. А вдруг с ним произошло что-то плохое? Она ведь действительно ни в чём не виновата, а Рита подарила ей надежду на то, что всё ещё может быть хорошо. Вот только… Как же Лёша? Как быть ему? Бросить его одного Света не могла. Не хотела больше никого предавать. И так себя ненавидит из-за всего, что произошло. Нужно просто найти выход, что-то придумать, чтобы спасти не только себя, но и его. На Черепа было уже абсолютно плевать. Он подставил их, значит, ему и отвечать.

Приведя лицо в порядок, девушка коснулась дверной ручки, но не успела открыть дверь, как услышала:

– Не двигаться!

«Полиция!» Мгновенно пронеслось в её голове, и решение остаться в туалете пришло к ней незамедлительно. Инстинкт самосохранения сработал идеально.

Из зала кафе донеслось несколько женских криков, громкий топот и звериный рык Черепа:

– Какого чёрта! Вы не имеете права!

Света приложила ухо к двери, боясь дышать. Будут ли искать и её, она не знала. Но чувство самосохранения настаивало на решении оставаться на месте. Страх сковал грудь, а

душа и вовсе забилась где-то в пятке. Руки тряслись так, что Света вот-вот готова была забиться в истерике. Но она продолжала прислушиваться в надежде услышать Лёшу, но он не подал ни звука. Это одновременно пугало и пробуждало веру, что ему удалось скрыться. Но вера разрушилась, когда громкий бас скомандовал:

– Вы двое – на выход!

Через несколько секунд всё стихло, только сердце в груди Светы стучало как ненормальное, и девушка могла поклясться, что этот стук складывался в слоги: Лё-шу-а-рес-то-ва-ли. Лё-шу-а-рес-то-ва-ли…

Глава 7

Остановившись в кафе, Женя Череповский даже представить не мог, чем для него обернётся эта злосчастная остановка. Они ехали всю ночь, и голод дал о себе знать. Ещё его раздражал груз в виде двух недосообщников, которые только всё испортили. Разнылись, как маленькие дети. Трусливые, глупые, никчемные. И зачем он только с ними связался? Ещё и деньгами придётся делиться. Они же их не заслужили. Это он, именно он покалечил Матвея и его дружка и даже ни капли не жалел об этом. Сдохнут? Пусть. Им дорожка туда же, куда отправился их третий дружок.

Ненависть к Старцеву Череповский хранил давно. Мот однажды унизил его при всех. Специально проиграл гонку, что избавиться от Жени навсегда. С гордо поднятой головой Старцев встречал своё поражение, но Череп знал, что он всё это подстроил. Была бы его воля, Матвей упёк бы его за решётку в наказание за смерть друга. Но у него не вышло. Дядя Черепа постарался, чтобы племянник не угодил в тюрьму. А теперь Старцев либо покалечен, либо…

– Я в уборную, – сообщила девчонка, и Череп недовольно поморщился.

– Не вздумай включать телефон. Если нас засекут, я тебя прикончу.

– Да пошёл ты.

Острая на язык. В любой другой ситуации Череп бы её трахнул, но сейчас обстоятельства не позволяют. Женя не раз представлял, как её пухлые губы скользят по его члену. Как только они уедут достаточно далеко, чтобы их никто не смог найти, он обязательно попробует на вкус эту дерзкую киску. В паху всё окаменело, и Череп, прочистив горло, подозвал к себе официантку.

– Мне бокал пива и два бургера. Ты что будешь? – обратился он к Лёхе, который сидел напротив него чернее тучи.

– Ничего, – буркнул он в ответ.

– Неужели ты не хочешь жрать? – Череп недоверчиво сузил глаза.

– Как-то кусок в горло не лезет.

– Почему?

– А ты не знаешь? – ехидно усмехнулся Лёха.

– Нет.

– Мы не договаривал калечить их так сильно! А ты сделал всё с точностью до наоборот!

Череп закинул ногу на ногу и с усмешкой посмотрел на своего собеседника. Когда-то Лёха был его закадычным другом. Таскался за ним на гонки, подставлял потенциальных соперников, помогал выигрывать. У них была своя схема зарабатывать, которая бесперебойно проработала много лет. До тех пор, пока однажды они не приехали в город, где живёт Старцев. Именно там впервые гонка для Черепа закончилась

не переломами конечностей его соперников, а смертью. Он слишком близко подъехал к тому парню и толкнул его ногой со всей силой. Тот не справился с толчком и улетел в кювет. На этом жизнь того парня оборвалась. Женя даже имени его до сих пор не знает. Он не считал это нужным.

Череп не мучился с совестью. Его мучил Старцев, который, как оказалось, всё видел, и стал угрожать. Пришлось подключать дядю, чтобы он проплатил органам за его освобождение. Но из города пришлось уехать, чтобы позже снова вернуться. Лёха тогда предал его. Сбежал с предками и скорешанился со Старцевым. Череп с наслаждением наблюдал за его лицом, когда вернулся. Этот трусливый поганец испугался, что он будет ему мстить. Но предложил ему кое-что получше – деньги. За одну небольшую услугу – немного покалечить Мота. И Лёха с горящими глазами согласился, да ещё и свою девку приплёл, с которой спал.

Размышления прервал телефонный звонок. Женя в предвкушении похвалы от дяди Олега улыбнулся и ответил без приветствия:

– Я всё сделал, как ты и просил. Когда будут деньги?

– Ты! Тупой ублюдок! – Макаров был в ярости. – Ты хоть понимаешь, что натворил?!

Череп напрягся:

– Я сделал всё, как ты просил.

– О чём я тебя просил?!

– Вывести Старцева из игры.

– А ты решил его убить, проклятый ты сосунок?!

– Он чё, сдох что ли? – равнодушно повёл плечом.

– Нет. Но был на волоске от смерти. Ты теперь понимаешь, что Онежин поднимет все свои связи, чтобы найти тебя?!

– А ты мне на что? – рассмеялся Череп. – Сделай, как и в прошлый раз. Откупись.

– Ах ты…

– Дядь, деньги когда переведёшь? – скучающим голосом протянул Череп.

– Ах ты наглый кусок дерьма! Хрен тебе, а не деньги! Ты создал мне кучу проблем!

Череповский вскочил со своего места и со злостью смахнул со стола бокал с пивом, который ему только что принесла официантка.

– Как это – не дашь денег?! Я тебе помог, как ты и просил!

– Ты зарыл меня в ещё более глубокую яму.

Связь оборвалась и в этот момент в забегаловку ворвались сотрудники полиции. Всё произошло слишком быстро. Череп и Лёха даже среагировать не успели, как им заломили руки и повалили на пол.

– Какого чёрта! Вы не имеете права! – Женя отбивался из последних сил, тогда как Лёха молча повиновался. Череповский испугался его поведения. Этот придурок сделает всё, чтобы прикрыть свою задницу, и с потрохами сольёт его ментам. Так не может закончиться. Не может же?..

***

Что-то настойчиво жужжало. Спросонья мне показалось, что это муха, и я беспорядочно махала рукой из стороны в сторону, но жужжание не прекращалось. Когда я окончательно проснулась, поняла, что у меня звонит телефон. Судя потому, что солнце только-только вышло из-за горизонта, утро было ещё ранним. Нащупав под подушкой телефон, я, прищурившись, посмотрела на имя звонившего и вскочила на ноги. Это была Света. Вчера вечером я так и не дождалась от неё звонка, а сейчас мне страшно отвечать. Вдруг что-то случилось, и ей больше некому позвонить, кроме меня? А, возможно, она прочитала моё сообщение и теперь хочет просить о помощи? Я провела по экрану и приложила телефон к уху. До меня донеслись всхлипы:

– Рит… Рита… это ты?

Меня словно молнией пронзило: таким несчастным слышался голос моей подруги. Я в мгновение ока забыла всё то, что она мне сделала и наговорила. Это стало таким неважным на фоне всего случившегося. Я сейчас нужна Свете. Как-нибудь мы с ней поговорим и всё выясним, решим, что дальше делать с нашей дружбой, но в данную секунду она нуждается во мне.

– Да, это я, – тихо вздохнула и присела на кровать. – Где ты, Свет, что случилось?

– Я… я не знаю… в какой-то забегаловке, – она плакала и плакала.

– Скажи в какой, и я найду тебя.

– Я не в городе, Рит. За несколько сотен километров от него.

Я отчаянно простонала:

– Ты что, решила сбежать?!

– Нет. Мы все вместе это решили. Рит…

– Ты получила моё сообщение?

– Да, я…

– Тогда ты знаешь, что тебе ни к чему скрываться! – перебила я её. Меня так напугали её слова. Моя подруга в бегах, как последняя преступница! Немыслимо!

– Знаю, – безнадёжно произнесла Света.

– Тогда возвращайся! Ты не причастна к тому, что случилось, тебе нечего бояться.

– Я не могу, Рит. Без него не могу.

Меня словно лопатой по голове ударили после её слов. Без кого она не может? Без Черепа? Ещё не хватало, чтобы она в него втюрилась. Чёрт! Ну почему в нашей жизни всё так сложно.

– Без кого? – вкрадчиво спросила я, мысленно молясь, чтобы подруга не сообщила мне чего-то из ряда вон выходящего.

– Без Лёши… Их с Черепом арестовали только что, а я сижу в туалете и совершенно не понимаю, что мне делать.

Я совсем запуталась. Света же ревновала меня к Матвею. Теперь её что-то связывает с Лёхой, и в тот роковой вечер, когда Матвей с Игорем разбились, она была в компании его

и Черепа. От этих запутанных мыслей у меня разболелась голова, и я потёрла пальцами висок.

– Свет, объясни мне, что происходит? К чему вообще был весь этот ужасный спектакль с аварией? И что тебя связывает с этими придурками, которые чуть не убили наших друзей?

– С Игорем тоже всё в порядке? – перестав на мгновение плакать, спросила Света. – Из твоего сообщения я поняла, что Матвей жив, а Игорь…

– Игорь в коме, – холодно ответила я. Говорить о состоянии друга было больно.

– Твою ж… – пискнула подруга и снова завыла, словно вьюга за окном.

Ей тоже больно. Она переживает. Все мы сейчас переживаем тяжёлые времена и трудности. Но нам нужно быть вместе, чтобы со всем этим справиться. Иначе мы ещё больше погрязнем в этом болоте. Пора расставить все точки над i.

– Свет, нам нужно встретиться. Ты должна мне всё рассказать.

– Ты меня убьёшь, – сказала она с такой уверенностью, что по моей спине пробежал холодок. Она действительно верила в свои слова, и мне было страшно представить, в какую историю влипла моя подруга.

– Не убью. Ну, может, ударю пару раз, – шутя ответила я, пытаясь разрядить обстановку, но Света даже не ухмыльнулась.

– Я запуталась, Рит. Мне так плохо, что волком выть хо-

чется. Мне кажется, что я сплю, а когда проснусь, всё будет хорошо.

– Так и будет, – успокаивала я её. – Вернёшься домой, и всё вернётся на круги своя.

– Ты меня не простишь, – сказала Света еле слышно.

Я тяжело вздохнула. Мне было так её жаль, что сердце на куски разрывалось. Я не злилась на неё, все ошибаются, и Света тоже оступилась. Не на казнь же мне её вести. Сколько раз подруга вытаскивала меня из депрессии, сколько раз помогала вставать с колен, что и не сосчитать. Она была рядом, когда была так необходима мне. И я тоже буду рядом, не смотря ни на что.

– Уже простила. Возвращайся домой и ни о чём не думай. Мы с тобой со всем справимся.

– Я буду через несколько часов. Можно приеду к тебе? Не хочу домой.

– Конечно! Без вопросов.

– Спасибо, Рит.

– Не за что, подруга…

Глава 8

Завершив телефонный разговор, Света прислушалась к происходящему за дверью. Стало тихо. Она неуверенно открыла замок и вышла из своего убежища. Немногочисленные посетители кафе тихо обсуждали произошедшее, а персонал суетливо наводил порядок в помещении. На Свету все с недоумением посмотрели, но быстро потеряли к ней интерес. Повсюду лежали осколки и пахло дешёвым пивом. Столик, за который садились Лёша и Череп, был пуст. Как будто их тут и не было. Полицейских не было тоже. Девушка вышла на улицу и окинула тоскливым взглядом три мотоцикла. Сглотнула огромный ком, сковавший её горло, и подошла к своему транспорту. Что будет с байками парней, она не знала, да и её это не интересовало. Истерику вызывала мысль о Лёше. Думать о том, что он может сесть в тюрьму, было до ужаса невыносимым. Но надежда всегда умирает последней.

Они ехали сюда втроём, убегая от рассвета. Прячась от совершённой ошибки, скрываясь от самих себя. Обратно Света ехала одна, навстречу солнечным лучам, в объятия к надежде, в дом подруги. И, казалось, от Риты зависит жизнь важного для Светы человека.

***

— Я приду к тебе вечером и, возможно, не одна, — сооб-

щила я Матвею по телефону сразу же, как только поговорила с подругой.

— Что случилось? — он напрягся.

— Мне позвонила Света.

Молчание.

— Лёшу и Черепа арестовали, и она едет обратно.

— Обратно?

— Они хотели сбежать, — уточнила я.

— Мдааа, — протянул Матвей. — А твоя подружка, я так понимаю, вовремя прочитала твоё сообщение?

— Угу.

— Может хоть она прольёт нам свет на то, что произошло. Потому что я, если честно, вообще ничего не понимаю.

— Я поговорю с ней, и я приеду к тебе. Хорошо?

За ночь я успела соскучиться по нему так сильно, словно не видела его год. Ведь мы жили в одном доме, а последнюю неделю и вовсе спали в одной кровати. Ничего пошлого — объятия да поцелуи. Но привычка быть всегда рядом укоренилась, и разлука была невыносимой.

— Конечно, малышка. Только постарайся не задерживаться. Без тебя здесь даже дышать тяжело.

Я улыбнулась. Мурашки посыпались по коже, казалось бы, от простых слов, но для меня они много значили. Наша нежность друг к другу заставляет моё тело плавиться. Эта безудержная влюблённость для меня в новинку, но такая приятная… До одури. Хочется, как кошка, ласкаться к

Матвею и мурлыкать от удовольствия.

— Я тебя люблю, — не удержалась я. Так редко говорю ему эти слова, словно боюсь, что мою тайну кто-то услышит. Не хочу кричать об этом целому миру. Хочется сохранить эти чувства, одну тайну на двоих. Матвей не ответил, лишь его тихое дыхание давало понять, что он всё ещё со мной.

— Матвей?

— Ммм?

— Почему ты молчишь?

— Скажи ещё раз.

— Что сказать? Что я люблю тебя? — я зашла в ванную и взглянула на себя в зеркало. Влюблённая. Румяная. Красивая.

— Рита, — хрипло произнёс Матвей. — Как же я хочу, чтобы ты всегда была рядом.

— К сожалению, ночевать с тобой в больнице мне не разрешают, — хмыкнула я.

— Да я не об этом, — его голос вдруг стал наполнен тоской.

— А о чём же? — не понимала я.

В трубке что-то зашумело, и послышались посторонние голоса.

— Вечером поговорим, — быстро ответил Матвей. — Врач пришёл на утренний обход.

Я даже не успела с ним попрощаться. Ну и ладно. Надеюсь, это действительно врач, а не эта бывшая Яна. Ненавижу

ревность. Но, видимо, в случае с Матвеем она неизбежна.

Приняв душ и почистив зубы, я спустилась на кухню, где уже орудовала Татьяна Владимировна.

— Папа ещё спит? — спросила я, и она вздрогнула.

— Рита! — схватилась она за сердце. — Зачем же так пугать?

— Извините, я не специально.

Я пожала плечами и включила кофеварку. Мачеха в последнее время стала дёрганной. Неудивительно: её единственный сын попал в аварию и сильно пострадал. Естественно, что она переживает. Я не раз видела, как Татьяна Владимировна на ночь пьёт успокоительное или снотворное. Глаза постоянно на мокром месте. Единственное, чего я не понимала, почему она плачет. Ведь самое страшное миновало — жизни Матвея ничего не угрожает. Но ответ на мой вопрос последовал мгновенно, будто мачеха услышала мои мысли:

— Я очень переживаю за Игоря. Вы уж с Илюшей простите меня, что я в последнее время сама не своя, — её нижняя губа задрожала, и женщина села на стул. — Они ведь с самого детства с Митенькой вместе. И ещё был мальчик — Кирилл. Он погиб три года назад. Ни одной матери не пожелаю похоронить собственного ребёнка. А Игорь, он ведь… как родной мне...

И снова потоп из слёз. Я стояла возле столешницы, на которой работала кофеварка, и не понимала, что делать. Оста-

вить мачеху в покое или подойти и обнять?

— Татьяна Владимировна, всё будет хорошо, — жалкая попытка её успокоить.

Когда на кухню вошёл папа, женщина сразу вытерла слёзы и отвернулась к окну.

— Тань, ты опять за своё? — не со злостью, а как-то устало спросил он. — Ну что ты мучаешь себя? Ты вторую ночь не спишь. С Матвеем всё хорошо, он жив и здоров, а тот мальчик… Ну ведь ещё не всё потеряно.

— Ты прав, — закивала Татьяна Владимировна и улыбнулась сквозь слёзы. — Что-то я совсем расклеилась в последнее время.

— Тебе нужно развеяться. Сегодня сходим с тобой в наш любимый ресторан, и я хочу, чтобы ты надела то платье, в котором...

Папа подошёл к своей жене и, обхватив своими ладонями её лицо, поцеловал. Я отвернулась. Когда-то я любовалась, когда он целовал маму, с придыханием наблюдала за их любовью, нежностью. Сейчас же мне сложно за этим наблюдать. Я борюсь с этим чувством, но пока не могу. Схватив чашку со свежесваренным кофе, быстро поднялась в свою комнату, но не успела я поставить кофе на столик, как следом за мной вошёл папа.

— Какие на сегодня планы? — спросил он меня.

— Сегодня ко мне заедет Света, нам нужно кое-что решить, — говорить папе о нашей ссоре с подругой я, конечно,

не стала.

— А потом? — папа с прищуром на меня посмотрел.

— Поеду к Матвею, — пожала я плечами, не понимая, почему он меня об этом спрашивает.

— Какие у вас с ним отношения?

В меня словно ударила молния. Он что-то подозревает? Или знает? Мы с Матвеем пока что не хотели говорить родителям о нас, сначала их нужно подготовить к тому, что их дети любят друг друга и далеко не как брат сестру. Сейчас ещё слишком рано вываливать всё это на них, тем более, когда вокруг и так творится хаос.

— Отношения? Что ты имеешь ввиду?

— Когда мы с Таней уезжали в отпуск, вы грызлись, как кошка с собакой. Спустя две недели, ты сутками сидишь у него в больнице, и чёрт знает, чем вы там занимаетесь!

Я редко вижу папу таким раздражённым, но сейчас он был действительно зол. Видимо, тоже нервы шалят. Но это не даёт ему право думать обо мне что-то непристойное.

— Что ты имеешь ввиду под «чёрт знает, чем»? — бросилась я себя защищать. — Если мне не изменяет память, то вы с Татьяной Владимировной просто мечтали о том, чтобы мы подружились. А сейчас я выслушиваю от тебя претензии на ровном месте!

— Просто хочу, чтобы вы оба понимали, что мы — одна семья! Ты и Матвей — брат и сестра!

Наш разговор резко перешёл на высокие тона. Папа не

сдерживался, и я теперь — тоже.

— Матвей мне не брат! — выкрикнула я, но осеклась. — Не кровный, — уточнила. — И какие бы сложные отношения между нами ни были, я за него переживаю! Хочешь, чтобы я ненавидела его и дальше? Хочешь?!

Папа ссутулился, признавая своё поражение. Потёр ладонями и лицо и прорычал. Затем развернулся и, выходя из комнаты, тихо сказал:

— Извини.

Я опустилась на кровать. Чувствовала себя пятнадцатилетней девочкой, которую застукали с сигаретой в руках. Не любила врать папе и что-то скрывать от него. Но в данных обстоятельствах вывалить ему о своей любви к сводному брату как-то не очень хочется. Ещё не время.

***

Света приехала через три часа, когда я была дома одна. Татьяна Владимировна поехала к Матвею, наготовив ему вкусной и разнообразной еды, а папа — на работу. Я вышла во двор, чтобы встретить её, и не узнала: припухшие от слёз глаза, синяки под глазами, растрёпанные волосы, собранные в несуразный хвост… Весь её вид кричал о том, как она подавлена. Неуверенным шагом она шла мне навстречу, и чем ближе ко мне подходила, тем сильнее тряслась её нижняя губа. Наконец, когда мы с ней поравнялись, Света обняла меня и заплакала навзрыд. Она тряслась, словно в припадке, а я успокаивающе гладила её по спине. Не могу представить, да

и не хочу, что она пережила. Слишком тяжело тащить на себе такой груз, и я была горда собой, что не бросила подругу, переступила через себя, решив помочь ей выбраться.

Когда рыдания стихли, я уговорила Свету подняться в мою комнату, принять душ и отдохнуть, хотя она отнекивалась, спешила мне что-то рассказать. Её рассказ я хотела услышать больше всего, но состояние подруги меня заботило сильнее. Она согласилась с трудом.

Я набрала горячую ванную и растворила в воде бомбочку с ароматом лаванды. Свете сейчас как никогда необходимо было расслабиться, и я делала для этого всё, что могла. Сварила кофе, зная любовь подруги к латте, и положила в тарелку ещё теплый морковный пирог, который Татьяна Владимировна испекла перед уходом. Когда вернулась в свою комнату, Света сидела на моей кровати, укутавшись в мой плюшевый халат, и пустым взглядом смотрела в окно.

— Я принесла тебе кофе, — поставила перед ней чашку с тарелкой, но Света на них даже не посмотрела, лишь, виновато опустив голову, сказала:

— Рит, прости меня. Я так виновата перед тобой.

— Ни одного слова от тебя не выслушаю до тех пор, пока не перекусишь, — категорически ответила я. — Тебе бы ещё не мешало поспать.

— Спать я сейчас хочу меньше всего, — повиновавшись, подруга всё же взяла в руки дымящуюся чашку и сделал из неё глоток.

— Ну да, я по тебе заметила, — съехидничала я. — Видок у тебя наисвежайший.

— Прекрати, мне сейчас не до смеха.

— Как ни странно, но мне тоже.

В полной тишине я терпеливо ждала, когда Света справится с кусочком пирога и выпьет кофе, чтобы услышать от неё то, что повергло меня в шок. Я столько всего не знала и не понимала в нашей дружбе, была так слепа ко всему, но пришло время пролить свет на то, что до сих пор мне казалось очевидным.

Глава 9

Глава 9.

Света с самого юношества брала пример с матери: любила вульгарно одеваться, начала пользоваться косметикой лет с одиннадцати, любила привлекать внимание парней. Первый настоящий поцелуй у неё случился в двенадцать, а в пятнадцать она уже лишилась девственности. Родительским вниманием она была обделена, так как они были вечно заняты самими собой, а дочерью постоянно занимались няни. А, развлекаясь с парнями, Света компенсировала нехватку родительской любви. Только со временем она смогла понять, что секс и любовь — понятия, не связанные друг с другом крепкими узами, а довольно успешно могут существовать отдельно. Осознание этого стало приходить тогда, когда парни, после того, как проведут ночь с ней, на утро исчезали и впоследствии даже не здоровались с ней, делая вид, что её не существует.

То ли дело Рита — её лучшая подруга. С идеальными родителями, которые привозили и забирали её из школы, каждые выходные всей семьёй куда-то выбирались, и дарили ей столько любви, о которой Света могла только мечтать. Она завидовала Рите, но никогда не желала ей зла. Девочки дружили и поддерживали друг друга, вот только мальчики на Риту смотрели не так, как на Свету, а несколько иначе: с

нежностью и трепетом. И Света всегда задавалась вопросом: почему? Её подруга не красится, не одевается по последнему писку моды, не спит с парнями. Чем она может привлекать? И только совсем недавно, когда Света стала достаточно взрослой, ответ пришёл сам по себе: просто Рита недоступна. Парней привлекают недотроги. И всё бы ничего, если бы однажды в город не вернулся тот, о ком Света мечтала с первого дня знакомства.

С мотоциклистами она связалась совершенно случайно. Увидела рядом со школой несколько симпатичных парней на крутых байках, пококетничала с ними и уговорила взять с собой на гонку. Так она и познакомилась с Матвеем Старцевым. Высоким, красивым, умным брюнетом, в которого она влюбилась без памяти. Он был вежлив, в отличие от других, никогда не грубил девушкам из их компании и Свете тоже. Вот только она не умела влюблять в себя парней, она умела их мастерски соблазнять. И Матвея тоже соблазнила. Несмотря на его правильность и заботу, секс он любил, как и все нормальные парни, и не отказался переспать с девушкой, которая в открытую предложила ему себя. И с тех пор у них начались отношения, но не такие, от которых любовь до дрожи, а оргазм до потери памяти.

Затем Матвей уехал, даже не попрощавшись со Светой. Сначала она держала на него обиду, а потом и вовсе забыла про него, переключив своё внимание на других парней. Но, когда она узнала, что Старцев возвращается в родной город,

не смогла сдержать восторга. В первую же ночь переспала с ним и рассчитывала на этот раз не упустить его, а сделать целиком и полностью своим. Но всё пошло не по плану. От неё не скрылись те искры, которые летали между ним и её подругой Ритой. Они вроде и ненавидели друг друга, но и было между ними что-то такое, о чём Света даже мечтать не могла — страсть. Огонь. Эмоции. Матвей же после той ночи, когда вернулся, на Свету даже не взглянул. И её это неимоверно раздражало. Она любила Риту, но завидовала. Тешила себя, что пусть и сводные, но они брат и сестра, и между ними ничего не может быть. Но надежды разрушились, когда Матвей поцеловал Риту у всех на глазах. Света тогда чуть с ума не сошла от злости. Разозлилась на Старцева, на подругу, да и вообще на всех вокруг. Единственное, что она запомнила — перекошенное лицо Лёши.

Позже он рассказал ей, что хотел предложить Рите встречаться, даже поцеловал её. Пожаловался, что Онежина его кинула по-свински. Взаимная ненависть переросла во взаимное желание отомстить, а затем и в страстный секс.

Череп появился со своим предложением совершенно внезапно, будто знал, что Лёша и Света захотят отомстить своим обидчикам. Его предложение выглядело безобидным, но обернулось страшной трагедией…

***

Я слушала подругу, не перебивая, в некоторых местах даже сдерживала порывы, чтобы накричать на неё. Я ведь ни-

когда не желала Свете ничего плохого, искренне переживала за неё и желала найти настоящую любовь. Ведь мне не нравилось, что она постоянно путалась с разными парнями. Но, когда я видела, как она раскаивается, плачет во время рассказа, после каждого предложения просит прощения, просто не смогла выплеснуть на неё свой негатив.

— И что же это было за предложение? — осторожно спросила. Меня мучил вопрос: на что могла пойти моя подруга, чтобы отомстить мне?

Она с горечью посмотрела на меня, глубоко вздохнула, будто сейчас её могут казнить, и произнесла:

— Подстроить небольшую аварию.

Я молча ждала подробностей.

— Череп предложил выманить тебя и Матвея, устроить между нами гонку, а затем аккуратно подстроить аварию, подставив тебя. Матвея нужно было лишь слегка покалечить, чтобы он пару недель полежал в больнице. Женя предложил поравняться с тобой и толкнуть байк Матвея так, чтобы это выглядело, будто ты его толкнула. Но мы не рассчитывали, что с вами будет Игорь, а ты отстанешь от нас. И получилось всё так, как получилось.

Я недоверчиво посмотрела на подругу:

— Ты же понимаешь, что это всё выглядит, как сущий бред? Матвей бы никогда не поверил в то, что я могу причинить ему боль.

— Ты ненавидела его!

— Но на момент аварии уже любила! — выплеснула я на неё. — И он меня, — тихо добавила. — К тому же Череп уже был замешан в смерти его лучшего друга, и подозрение первым бы пало на него в любом случае. Ваш план с самого начала выглядел бредово. В итоге пострадал Игорь, и его жизнь сейчас находится на тоненькой ниточке.

— Я знаю, Рит! — Света повысила голос. — Знаю и каюсь! Какой же дурой я была! Так была ослеплена Старцевым, что и не заметила, как начала влюбляться в Лёшу. Не замечала, как он обо мне заботится, защищает. Если бы я вовремя осознала это, не стала бы в этом участвовать. А Череп ещё и денег предложил, и Лёша сразу согласился.

— Так. Стоп.

В ушах зазвенело. Наши друзья согласились подставить нас за деньги? В голове не укладывается.

— И много он вам предложил? — спросила я, хотя не знала, хочу ли я слышать ответ на свой вопрос.

— Я не знаю, — покачала Света головой. — Не вникала в детали, ведь деньги меня вообще не интересовали, я хотела разлучить вас с Матвеем.

И тут ко мне пришло осознание: Череп просто использовал их, чтобы достичь своей личной выгоды. Ему зачем-то нужно было убрать Матвея. Покалечить или убить. Но для чего? Боялся его обвинений в смерти Кирилла? Но ведь уже прошло три года. Не исключено, что есть что-то ещё, о чём я не знаю. Нужно поговорить с папой и с его адвокатом. Воз-

можно, эта деталь поможет в расследовании.

Свете я не стала говорить о своих догадках. Как бы там ни было, но ей придётся заново заслужить моё доверие. Я вытерла слёзы и сказала:

— Мне нужно к Матвею, я обещала ему сегодня приехать. Если хочешь, можешь остаться здесь, переночуешь у меня. Тебе так будет лучше.

В глазах Светы появилось бездонное море, наполненное благодарностью и бесконечными слезами.

— Ты и правда разрешишь мне остаться? После всего, что я тебе рассказала?

— Все ошибаются. Главное, вовремя осознать свои ошибки. Ты осознала, и я надеюсь, что впредь так со мной не поступишь.

— Никогда! — тут же пообещала она. — Только вот…

Она отвела взгляд.

— Что?

— Лёшу же посадят в тюрьму?

Я не стала ничего отвечать. Я была зла на него, ведь не только Череп, но и он сам осознанно пошёл на преступление.

— Поедешь со мной в больницу? – вместо ответа спросила я.

— А можно?

— Конечно.

— А Матвей, он…

— Не будет против. Он сам предложил мне выгородить

тебя и, поверь, он больше всего хочет услышать твою историю.

Глава 10

Пока я собиралась в больницу, Света уснула. Будить её я не стала: ей нужно отдохнуть. Она пережила столько стресса и выплакала столько слёз, что я решила оставить её в покое. Выйдя из комнаты и спустившись в гостиную, я столкнулась с папой и мачехой, которые хихикали, зажавшись в углу, как маленькие дети. Выскользнуть из дома незаметной мне не удалось — грозный голос папы буквально пригвоздил меня к полу:

— Рита, ты куда собралась на ночь глядя?

Я на пятках развернулась и взглянула на отца, поправлявшего галстук.

— Папа, сейчас ещё вечер. И я собралась к Матвею.

Он недоверчиво прищурился:

— Таня сегодня была у него, отвезла ему еды и просидела с ним два часа. Тебе необязательно его навещать.

— Ты запрещаешь? — вспыхнула я. — Я же не в ночной клуб иду.

— Не запрещаю, — спокойно ответил он. — Но, повторюсь, что это необязательно.

— Для меня — обязательно.

Я смотрела на него с вызовом. Не понимала, почему отца так волнуют наши отношения с Матвеем. Мы ведь не яв-

ляемся кровными родственниками, к тому же вскоре хотим сообщить о наших чувствах друг к другу, и это пристальное внимание к нам со стороны папы мне ой как не нравилось. Он что-то подозревает. Это стало ясно из нашего с ним разговора. Но что с того? Почему он так настроен? Я не понимала.

На помощь мне пришла Татьяна Владимировна, обнявшая своего мужа за плечи:

— Милый, оставь девочку в покое. Ведь это же замечательно, что они с Матвеем подружились. Он стал для неё старшим братом, а она для него — младшей сестрой. Я счастлива, что мы становимся дружной семьёй.

Папа расслабился и кивнул мне. Я с облегчением выдохнула и всё же выбежала из дома, на ходу надевая шлем, лежащий до этого на тумбочке в прихожей.

— Мы сегодня вернёмся поздно, — донёсся до меня голос отца, но я уже подбегала к гаражу и не стала что-либо отвечать ему.

Я так спешила к Матвею, что забыла сообщить родителям, что у нас осталась ночевать Света, и о том, что виновников аварии задержала сегодня утром полиция. Но, думаю, отец и так обо всём знает.

Обычно ученики и студенты отрываются в последние дни лета, с жадностью проживают каждую секунду свободы, которой скоро станет совсем мало. Ночные клубы переполнены, отовсюду доносится музыка и смех молодёжи. Они рас-

слабляются, стараются не думать о том, что скоро над ними тяжёлой тучей нависнет учёба, а тёплые и непринуждённые вечера превратятся в зубрёжку и скучные пары. Только для меня конец лета проходил иначе. Я думала только о Матвее. Мечтала, чтобы его скорее выписали, и он вернулся домой. Представляла, как он будет встречать меня возле университета, когда у меня закончатся пары. Рисовала картину его уставшего лица, когда он будет ждать, когда я закончу зубрить рефераты, чтобы украсть хоть немного времени, чтобы погулять или просто посмотреть вместе фильм. В моих мечтах именно так всё и было. Надеюсь, и в его — тоже.

Я хотела быть с ним рядом всегда. Встречать вместе рассветы и закаты, не упускать ни одной возможности поцеловать его, дотронуться до него, слышать, как он сопит во сне. И в этот раз я тоже стремилась к нему. Я не видела Матвея почти сутки и соскучилась так, что готова была просидеть с ним в обнимку битые часы, не замечая ничего вокруг.

Я, как обычно, припарковалась у больницы и поспешила к её входу, когда меня окликнули:

— Малина!

Где-то совсем рядом прозвучал его голос. Я обернулась.

— Матвей?! — удивилась я. — Ты чего здесь делаешь?

Он сидел на одной из скамеек и счастливо улыбался, глядя на меня. Закатные солнечные лучи касались его глаз, заставляя прищуриться.

— Я будто смотрю на солнце, — неожиданно серьёзно

произнёс он, и я бросилась к нему в объятия, сбивая ногами костыли, которые лежали рядом с Матвеем на лавочке.

— Ты уронила мои ноги, — тихо рассмеялся Матвей, крепко прижимая меня к себе и вдыхая запах моих волос.

— Что ты здесь делаешь? — проигнорировала я его шутку. — Почему ты не в палате? Ты же ещё совсем слаб.

— Считаешь меня слабым, но в то же время бросаешься на меня и виснешь, словно перед тобой здоровёхонький Геракл!

— Прекрати бросаться своими глупыми шуточками! — я освободилась от его хватки и села рядом. Хотя в чём-то Матвей прав: я напрочь забыла о его переломах и бросилась к нему как озабоченная амазонка, которая ни разу в жизни не видела мужчину. Совсем не подумала, что ему может быть больно.

— Хорошая шутка — залог прекрасного настроения и улучшающегося здоровья.

Матвей взял меня за подбородок и поцеловал так нежно, что в моей душе расцвели подснежники. Его поцелуй был коротким, но наполненным сладостью тёплой весенней ночи. Я не дала ему отстраниться, обхватила его лицо руками и покрыла лёгкими поцелуями каждый его сантиметр.

— Извини, я, наверное, сделала тебе больно, — произнесла я, с трудом оторвавшись от Матвея.

— Поцелуями нельзя причинить боль, моя сладкая Малина.

— Я не про это. Я набросилась на тебя, не подумав.

— Прекрати, Рит. Ты не можешь мне причинить боль. Ну только если душевную.

— Я на такое не способна, — тихо ответила я.

Матвей улыбнулся, но от этой улыбки веяло грустью. Что-то тревожило его, и это что-то точно связано со мной.

— Почему ты одна? — он посмотрел по сторонам, быстро переведя тему. — Я думал, что ты придёшь с подругой.

— Она уснула, и я не стала её будить. А ты почему не в палате? Врач разрешил тебе выходить на улицу самостоятельно?

У Матвея так же одна нога и рука были в гипсе, грудь тоже перебинтована, а он сидит, смотрит на меня влюблённым взглядом, и на сердце становится так тепло. Оно переполняется нежностью.

— Я хотел встретить тебя здесь. Прогуляться на закате пусть даже наша прогулка будет по территории больницы. Просто побыть с тобой наедине.

— Не думаю, что Игорь нам помешал бы.

Матвей усмехнулся:

— Этот наглец всё слышит, поверь. И когда очнётся, припомнит мне, как его тошнило от наших поцелуев.

Я грустно улыбнулась:

— Я рада, что ты есть у него. Веришь в его жизнь, несмотря ни на что…

— Я даже думать о другом не хочу. Поможешь подняться?

Я помогла Матвею встать на костыли, заботливо погладила его плечу, и он ловко, будто с пелёнок ходит на трёх ногах, начал передвигаться вперёд. Я пошла рядом, как могла, поддерживая его, чтобы он не споткнулся и не упал.

— Рит, — ласково произнёс Матвей, останавливаясь. — Я, конечно, понимаю, что ты хочешь мне помочь, но я не какой-то усохший старик, чтобы не справиться с костылями.

— Хорошо, — потупила я взгляд. Матвей в моих глаза всегда был сильным, умеющим постоять не только за себя, но и за меня, и за своих друзей. Даже не представляю, каково ему сейчас чувствовать себя слабым.

На территории больницы было много деревьев, и все они готовились к осени: осыпали свои первые пожелтевшие листья. Они медленно падали, кружась, и казалось, что они горят огнём, когда их подхватывал солнечный свет. Мы встречали осень красиво, потому что были влюблены. Не было тоски по уходящему тёплому лету, было лишь предвкушение счастливого будущего, которое нас ждёт, а оно мне представлялось волнительным и захватывающим.

— Хочу скорее вернуться домой, — вдруг сказал Матвей. — Здесь стены давят, и безжизненное тело Игоря сводит с ума. Хочу быть рядом с ним и одновременно не видеть того, что с ним происходит.

— Ему сейчас как никогда нужна твоя вера…

— Да, только вера угасает, когда я днями напролёт наблюдаю, как ничего не происходит. Лучше не становится.

Я промолчала, не зная, что ответить. Терять близких всегда тяжело. Конечно, не хотелось бы даже думать о том, что жизнь Игоря может оборваться в любой момент, но в таком случае подобные мысли обязательно посещают.

— Мой папа что-то подозревает, — решила я перевести тему.

— О чём? — Матвей даже остановился.

— О нас, — тихо произнесла я. — Сегодня у нас с ним был разговор, и мне показалось, что, когда мы расскажем ему, он будет против.

Матвей тихо выругался.

— Я думаю, нам не стоит тянуть дальше, — продолжила я. — Наши родители должны знать, пока не зашло всё слишком далеко.

— Рит, — Матвей остановился и жалобно на меня посмотрел. — Прошу, пока ничего не говори Илье Сергеевичу. Мне сначала нужно решить один вопрос прежде, чем он узнает о нас с тобой.

— Что за вопрос? И какое отношение он имеет к нам с тобой?

— Я расскажу тебе, как только всё улажу. Хорошо, малышка? — Матвей нервничал, но старался быть нежным со мной. Я давно подозревала, что он что-то от меня скрывает, и меня на части разрывало от любопытства и от ревности, ведь что-то мне подсказывало, что это связано с Яной. Вот только как?

— Матвей, ты меня любишь? — задала я вопрос в лоб. Мне просто нужно было услышать, знать, что мы будем вместе вопреки всему, что нам никто и ничто не помешает.

Неподалёку дворник сметал листву в одну большую кучу и, наверное, услышал нас, так как усмехнулся и покачал головой. Может быть, вспомнил свою молодость или просто подивился моей наивности, мне стало неловко, но я хотела услышать ответ. Это было важно для меня. Матвей расплылся в улыбке и посмотрел на меня так, словно во мне был смысл всей его жизни. Мне уже не нужны были слова, я и так всё поняла, но он сказал:

— Конечно, люблю, Рит. Впервые в жизни так влюбился. Как глупый мальчишка.

Я взвизгнула и бросилась на него, снова забыв, что он, вообще-то больной. Мы не удержались и упали прямо в кучу листвы, которую дворник так усердно собирал. Приземление было мягким, если учесть, что я ещё упала сверху на Матвея. Он зашипел от боли, и я как можно быстрее поднялась на ноги.

— Ты убить меня хочешь, девочка моя, — он раскинул руки и смотрел на вечернее небо.

— Прости-прости-прости, — мне снова пришлось извиняться, виновато закусив губу.

Дворник только цокал и качал головой, скрывая улыбку, которая появилась на его лице.

Матвей привстал и потянул меня за руку, и я снова ока-

залась лёжа на листве. Обняла его и легла на крепкое плечо (знала, что оно у него не болит).

— С тобой так просто, Рит. Хорошо. Спокойно. Не нужно вести себя по шаблону. Можно дурачиться, вести себя, как ребёнок. А ведь на мне столько ответственности, что не на каждом взрослом висит такая ноша. Но иногда хочется обо всём забыть и просто наслаждаться моментами. Рядом с тобой.

Я потёрлась носом о его тёплую шею, от которой пахло больницей. Лекарствами. Испытанием. Но от этого он не стал менее родным и любимым.

— Обещай, что пока не расскажешь родителям.

— Обещаю, — устало выдохнула я. Хотя мне очень тяжело было лгать отцу. Но я понимала, что для Матвея это важно. И не подведу его.

— Молодые люди, — прервал нас хриплый голос дворника. — Я, конечно, понимаю, что вы влюблены, и вам безразлично, на чём лежать, но у меня работа стоит.

Я спохватилась и быстро поднялась. Дворник в свою очередь помог Матвею встать на его три ноги, и мы решили вернуться в палату.

— Останешься со мной ещё? — с надеждой спросил Матвей. Когда опустился на свою кровать. От меня не ускользнул его взгляд, наполненный болью, когда он посмотрел на Игоря.

— Конечно. Пока меня не выгонят, как обычно, — хмык-

нула я.

— Спасибо.

В этот момент в палату вошла Злата, чтобы поменять Игорю капельницу.

— Как он? — спросил её Матвей.

— Хуже ему не становится, — с тёплой улыбкой ответила медсестра.

— Хуже и некуда. Только смерть, — горько усмехнулся он, и моё сердце в который раз сжалось.

Злата молча поменяла капельницу, и я заметила, как внимательно она всматривалась в лицо нашего друга. Мне не раз бросалось в глаза, с какой обходительностью и вниманием она ухаживает за Игорем, и радовалась её неравнодушию. Когда Матвея выпишут, Игорь не будет один. С ним всегда будет присутствовать заботливая девушка, на которую можно положиться.

Вечер мы провели за фильмами, смотря их на телефоне. Смеясь, шутя и целуясь. Легко и непринуждённо. Наслаждаясь каждой секундой, проведённой вместе. Пока не наставал момент, когда дежурная медсестра с уставшим взглядом не прогоняла меня домой поздней ночью…

***

В дорогом ресторане играла тихая музыка. Илья и Татьяна Онежины, захмелев после бокала вина, вспоминали свой потрясающий отпуск, похожий на второй медовый месяц. Как они, словно дети, лежали на берегу моря и целовались, а тёп-

лые волны ласкали их ноги. После заката возвращались в номер и восхитительно проводили свои ночи, наполненные страстью и любовью. Тогда им не нужно было вино, они и так были опьянены чувствами друг к другу, которые не угасали ни на миг. Илья Онежин до сих пор не мог понять, как смог полюбить другую женщину, ведь раньше, кроме своей первой жены — Анастасии, больше никого не мог представить рядом с собой. Но судьба дала ему второй шанс и сына, о котором он так мечтал. Пусть и неродного, но он переживал за него не меньше, чем за Риту. И их дети не давали ему покоя вот уже несколько дней, с тех самых пор, как они с Таней вернулись из отпуска.

Что-то изменилось в их отношениях, взглядах, разговорах. Они слишком много времени стали проводить вместе, и это наводило на мысли, что они могли просто влюбиться друг в друга. Со стороны может показаться, что ничего страшного в этом нет, но лишь немногие знали о том, что этому случиться нельзя ни в коем случае.

— Илюш, ты весь какой-то загруженный, — прервала вдруг Татьяна ход его мыслей. — Что тебя тяготит?

— Наши дети, — со вздохом ответил он.

— Что с ними не так?

— Всё. Неужели ты не заметила, как поменялось их отношение друг к другу? Раньше Рита на дух не переносила Матвея, а теперь дни и ночи проводит с ним в больнице.

— Не накручивай себя, милый. У них есть общий интерес

— эти их гонки и мотоциклы, вот они и спелись.

— Здесь не просто общий интерес, а что-то гораздо глубже.

— Ты сейчас говоришь о любви? — улыбнулась Татьяна.

— О ней самой. И как бы это обидно для тебя ни звучало — я не хочу, чтобы твой сын разбил сердце моей дочери.

— Он этого не сделает. Митя взрослый парень и прекрасно осознаёт свою ответственность. Его жизнь распланирована как минимум лет на пять вперёд и, зная его, я могу с уверенностью заявить, что он не станет влюблять в себя Риту. Перед тем, как он приехал сюда, я с ним поговорила об этом. Знаешь ли, Риточка очень красивая девушка и любому парню может вскружить голову, но Митя взрослый и ответственный мужчина…

— Я тоже взрослый и ответственный, но не понаслышке знаю, как любовь может вскружить голову.

— А я вот ничего подобного не замечаю, — отмахнулась Татьяна и отпила ещё вина.

— И я был бы очень рад узнать, что я всего лишь накручиваю себя.

— Так и есть.

На телефон Ильи пришла смс от его адвоката. Утром он уже сообщил, что парней, которые подстроили аварию, в которой пострадал его пасынок с лучшим другом, арестовали, а теперь захотел встретиться, чтобы рассказать что-то очень важное. «Я кое-что нарыл, — гласило сообщение. — И тебе

это может не понравиться. Это связано с бизнесом Старцевых».

Взгляд Онежина изменился. Вместо тёплого и влюблённого стал напряжённым. Татьяна сразу это заметила.

— Что случилось? — с тревогой в голосе спросила она.

— Бизнес твоего покойного мужа кого-то никак не может оставить в покое. Завтра мне нужно встретиться со своим адвокатом. Он узнал что-то новое. Не исключаю, что авария была подстроена, чтобы вывести Матвея из игры.

— И что теперь делать?

Илья положил свою большую ладонь поверх ладони своей жены:

— Придётся мне подключаться, пока Матвей не восстановится. Парень и так после смерти отца ввязался в такое, что врагу не пожелаешь. Не против, если я немного ему помогу?

— Я только за. Спасибо тебе, дорогой.

Онежин улыбнулся и напечатал адвокату ответное сообщение, где сообщил место и время завтрашней встречи.

Пока Матвей доучивался в другом городе, Илье пришлось вложить немало своих усилий, чтобы держать бизнес покойного Старцева на плаву, и никому не позволит, чтобы все его старания пошли прахом. А именно так и будет, если вовремя не вмешаться...

Глава 11

От Матвея я приехала уставшей, сонной, но окрылённой от любви. Счастливой. Доктор сказал, что он идёт на поправку, и совсем скоро его выпишут. Не могу дождаться, когда настанет этот день, и Матвей всегда будет рядом.

Судя по тишине в доме и темноте, папа и Татьяна Владимировна ещё не вернулись, а Света, наверное, спала. Хотя нет. Она смотрела телевизор, когда я вошла в свою спальню. Увидев меня, она вскочила на ноги и стала оправдываться:

— Ритусик, прости, пожалуйста! Я уснула, и сама не заметила, как! Извини, что не поехала с тобой в больницу!

— Всё хорошо, — успокоила я её. — Я понимаю, как ты устала, поэтому и не стала тебя будить. Если хочешь, можем поехать завтра.

— Рит, я…

Света замялась.

— Что-то произошло? — я заволновалась.

— Ты случайно не знаешь, могу ли я как-то увидеться с Лёшей? Он же в отделении полиции нашего города находится?

Я тяжело вздохнула и села на кровать. Ситуация сложилась не очень весёлой: мы со Светой подруги, но в данный момент я ненавидела Лёху, ведь он подверг опасности жизни

моего парня и друга, а вот Света в него влюблена. Мне хотелось ей помочь и одновременно накричать. Но последнее я делать не стала, так как сама понимала силу любви, а ведь сердцу неважно, в кого оно влюблено — в ангела или демона. Оно любит вопреки всему, и ему не прикажешь.

— Я постараюсь узнать что-то у папы. Его адвокат занимается этим делом…

— Спасибо тебе большое, Рит!

Света бросилась ко мне в объятия, и я крепко её обняла. Как же мне было её жаль. Жаль, что один неправильный выбор стал фатальной ошибкой. И очень важно в такой ситуации искренне раскаяться, чтобы от тебя не отвернулись те, кому ты дорог.

— Ты действительно в него влюблена? — спросила я тихо, гладя её по волосам.

— Не знаю, любовь ли это, — прошептала Света. — Но дышать без него полной грудью я не могу.

Я улыбнулась:

— Это и есть любовь…

Всю ночь напролёт мы разговаривали. Раньше мы часто устраивали ночные откровения, если ночевали вместе, но в последнее время это случалось крайне редко, и мы навёрстывали упущенное. Главной темой нашего разговора, конечно же, была любовь. Я с трепетом рассказывала о Матвее, Света — о Лёше. И пусть я была зла на него, даже ненавидела в какой-то степени, но я впервые видела такие горящие глаза

у подруги, которые время от времени наполнялись слезами. Мне хотелось ей помочь, но мне не хотелось, чтобы человек, совершивший ужасный, трагический поступок, остался безнаказанным. Возможно, когда-то я смогу простить его, но не сейчас. Пока я к этому не готова.

Утром мы спустились к завтраку. Неизменно на кухне кружились просто невероятные запахи. Татьяна Владимировна привычно бегала от духовки к плите, одновременно накрывая на стол и что-то напевая себе под нос. Папа уже возглавлял обеденный стол с телефоном в руках.

— Доброе утро, родители! — пропела я, подошла к отцу и поцеловала его в щёку. Света скромно стояла в проходе, не решаясь войти.

— Привет, милая, — услышала я в ответ. — Ты не говорила, что у тебя ночевала подруга.

— А ты разве против?

— Нет, конечно. Света, чего же ты стоишь, как неродная? Проходи.

— Хорошо, что я приготовила немного больше, чем обычно, — заботливо улыбнулась мачеха.

Подруга скромно села на один из стульев и опустила виноватый взгляд. Я знала, что ей стыдно смотреть в глаза Татьяны Владимировны, и как бы я ни пыталась убедить Свету, что она не виновата в случившемся, не смогла. Я села рядом с папой и как бы непринуждённо задала ему вопрос:

— Пап, а правда, что Череповского с Лёхой арестовали?

— я делала вид, что не знаю об этом точно. Не хотела, чтобы Свету в чём-то заподозрили.

— Слухами земля полнится! — рассмеялся папа. — Даже удивительно, как быстро сработала наша добросовестная полиция. Да, как раз сегодня иду на встречу со своим адвокатом, и он мне расскажет все подробности.

— Скажи, а как-то можно навестить их?

Брови родителей одновременно взметнулись вверх. Они были явно удивлены моим вопросом.

— А зачем тебе с ними видеться? — недовольно спросил папа.

— Ну… просто… — я совершенно не знала, как деликатно ответить, но тут вмешалась Света:

— Я попросила Риту узнать, Илья Сергеевич. Я бы очень хотела увидеться с Лёшей…

— Зачем? — в его голосе прозвучал холод.

— Я понимаю, что он совершил нечто плохое…

— Преступление, — строго поправил её папа.

— Согласна, — выдохнула Света. Её голос задрожал, будто она вот-вот заплачет, и я решила её поддержать:

— Пап, Света с Лёшей… как бы это сказать?..

— Ну уж как-нибудь скажи. — Теперь жёсткий тон ударил по мне, как молот о наковальню.

— Они встречались. Можно устроить им что-то типа свидания?

Ох уж этот взгляд. Колючий. Убийственный. Строгий. Ле-

дяной. Папины глаза редко отражали в себе столько опасностей, и в тот момент стало очень страшно. И не только мне.

— Ты красивая девушка, Света, — папа заговорил спокойно, приступив к завтраку. Так, будто вёл светскую беседу. Но каждое его слово — будто острие ножа по телу. — Зачем тебе этот преступник? Вы ещё слишком молоды, чтобы так серьёзно относиться к мимолётной влюблённости.

— Папа, — тихо сказала я. — Прекрати. — Мне не нравился этот его тон. Человек словно менялся на глазах.

— Не перебивай, Рита. Твой сводный брат, вообще-то, пострадал от этих людей, а у вас одна любовь на уме. Мой вам совет: бежать надо от таких нелюдей. Забыть. Этим двоим, — папа брезгливо поморщился, — грозит реальный срок. Не строй из себя героиню, — он посмотрел на мою подругу, которая безуспешно боролась со слезами.

— Из… изви… ните… — заикаясь пролепетала Света, и мне стало её так жаль, что неожиданно для самой себя взорвалась:

— Папа! Как ты можешь быть таким жестоким?! Тебя никто не просит любыми способами помочь Лёше избежать наказания, я и сама этого не хочу! Но неужели так сложно организовать одно свидание?! Ты же всегда был таким понимающим.

— Прекрати истерику! — папа ударил по столу так, что стоявшая рядом чашка с кофе подпрыгнула. — Я всегда готов помочь, но не тем людям, которые чуть не угробили сы-

на моей жены! Мне плевать, кто в кого влюблён! Таня уже сколько дней ходит, словно тень, и постоянно плачет! Делайте, что хотите, но я к этому руку не приложу.

Сказав это, он встал из-за стола и быстро покинул дом. Татьяна Владимировна застыла с вилкой в руке, а Света ещё сильнее заплакала. Обстановка была такая, будто мы только что кого-то похоронили. Тьфу-тьфу! Несколько минут звенящей тишины, которую прерывали постепенно стихавшие всхлипы моей подруги, наконец были прерваны:

— Рит, спасибо за попытку, — произнесла вдруг Света тихо. — Татьяна Владимировна, извините, мне действительно жаль, что это произошло с вами и Матвеем. И Игорем.

Мачеха ничего не ответила. Лишь смотрела в одну точку, не моргая.

Света медленно встала и направилась к выходу.

— Ты куда? — последовала я за ней.

— Попробую обратиться к своему отцу, — пожала она плечами. — Ему, конечно, нет дела до меня, так же, как и матери, но вдруг…

— Извини, что с моим отцом вышло вот так.

— Тебе не за что извиняться. Он прав. Я пойду, Рит. Спасибо тебе за всё.

— В больницу сегодня не хочешь пойти?

Света замялась и опустила взгляд. Она очень изменилась, я её буквально не узнавала. Из яркой, общительной, красивой девушки она превратилась в несчастную, угасшую,

неживую… Она тоже многое пережила, многое потеряла, и её будущее заляпано чёрными красками. Оно совершенно неизвестно. И это пугает даже меня.

— Знаешь, Рит, — ответила подруга. — Только пойми меня правильно. Я пока не готова увидеть Матвея и Игоря. Мне ужасно стыдно и больно, и мне нужно побыть одной со своими мыслями, собраться с силами, чтобы посмотреть им обоим в глаза. Я тоже принимала в этом участие, хоть и косвенно. И за мной тоже есть вина. Я благодарна, что вы сделали для меня, но прежде, чем я попрошу прощения у них, мне нужно простить саму себя.

— Я понимаю, — закивала я. — Ты мне только звони, хорошо? Держи в курсе.

— Хорошо, — Света меня обняла.

— Я надеюсь, ты не собираешься бросать учёбу?

— Нет, — натянуто улыбнулась она. — Только теперь я не буду ездить с тобой.

— Почему это?

— Потому что у меня теперь есть свой байк и права, если ты забыла.

— Точно! — я хихикнула. — Но только не обольщайся, я всё равно тебя обгоню.

— Посмотрим, — Света подмигнула мне и ушла.

А мне в этот день предстоял небольшой шоппинг. Нужно было купить новую одежду, сумочку, обувь и всякие канцелярские принадлежности. До начала учебного года оста-

валась всего несколько дней, а я была совсем не готова. Татьяна Владимировна предложила мне свою компанию, а я не стала отказываться.

Впервые за долгое время я ехала в машине. Хоть я и люблю мото, но целесообразнее всё же было отправиться за покупками на транспорте, в который может уместиться много… нет. Оооочень много пакетов с покупками. Раньше я любила ходить по магазинам за новыми шмотками и могла часами не вылезать из примерочных. Но сейчас я ехала в торговый центр без особого желания, но с пониманием того, что мне просто необходимо отвлечься. Слишком много событий произошло этим летом, и эти события изменили не только меня, как личность, но и моё отношение к жизни в целом. Когда Матвей попал в больницу, я многое переосмыслила. Когда не стало мамы, я пыталась закрыться от этого мира, избавиться от боли, чтобы выжить, пряталась за бесконечными масками и улыбками. Стала холодной, слишком самостоятельной, равнялась на парней, думала, что так легче будет справляться. И да, я справилась. Запечатала боль в себе вместо того, чтобы выплакать её. И она до сих пор тяжким грузом лежит на сердце. Я хочу быть собой, переживать все эмоции так, как они этого заслуживают. Радоваться, плакать, любить и ненавидеть. Отрицание — не выход. Если хочется смеяться — смейся, хочется плакать — плачь. Иногда выход из сложной ситуации самый простой: быть самой собой. А я прежняя — весёлая девчонка, для которой покупки — это

как перезагрузка.

В торговом центре был настоящий аврал: люди суетились, бегали из одного отдела в другой, кричали, ругались, стояли в длинных очередях. И я впала в ступор, не зная, с чего начать. Татьяна Владимировна, будто прочитав мои мысли, приобняла меня и заговорщически сказала:

— Давай начнём с того, что сейчас для остальных менее актуально.

— И с чего же? Перед началом учебного года актуально всё.

Она улыбнулась, поправила свою идеальную укладку, а затем подмигнула и взглядом указала на третий этаж:

— Предлагаю начать с нижнего белья.

Я недоверчиво посмотрела на мачеху, настроение которой вдруг стало игривым. Эта женщина предлагает мне начать подготавливаться к учёбе не с тетрадей и ручек, а с трусов и лифчиков? Из меня вырвался нервный смешок. Нижнее бельё я покупала редко, и у меня не было к нему щепетильного отношения — покупала всё самое простое и удобное, потому что кроме меня его никто не видел. А сегодня я вообще не планировала совершать столь бесполезную покупку.

— Ну и чего ты засомневалась? Меня не нужно стесняться. Я такая же женщина, которая хочет выглядеть красиво даже под одеждой. Поверь, мужчинам это нравится.

Перед моими глазами мгновенно нарисовалась картина: Татьяна Владимировна стоит перед моим отцом в красном

полупрозрачном белье. Он её трогает, целует… Фу! Ну и нафиг мне вообще такое представлять?! Ужас какой! Вместе с приступом тошноты из меня вырвалось:

— У меня нет мужчины, который будет пялиться на меня голую! — и тут же прикусила язык. Мачехе ни к чему знать о моей личной жизни. Но она лишь засмеялась:

— Это дело времени. Рано или поздно он появится. Главное, вовремя подготовиться.

Я сразу подумала о Матвее. Однажды у нас с ним был очень интимный момент, при воспоминании о котором моё лицо до сих пор заливается краской. Он не просто видел меня в одних трусиках, но и трогал меня в самом сокровенном месте. И да. Это было очень приятно. Может быть, Татьяна Владимировна права, и мне действительно пора задуматься о красивом кружеве? Ведь наши с Матвеем отношения развиваются, и я не могу исключать того, что однажды они перейдут на новый уровень…

— Ну хорошо, вы меня уговорили, — пытаясь скрыть своё смущение, ответила я.

— Тогда идём! — женщина обрадовалась и захлопала в ладоши, как ребёнок.

Девушки-консультанты в престижном салоне нижнего белья встретили нас радушными улыбками. Они мгновенно взяли нас в оборот, предлагая далеко не дешёвые брендовые вещи: белые, красные, чёрные, бежевые, розовые… Кружевные, в сеточку, стринги, шортики… Всё это мелькало перед

моими глазами, словно калейдоскоп, и спустя пару часов мы с Татьяной Владимировной вышли из магазина с несколькими пакетами наперевес. В них оказалось не только несколько комплектов просто сногсшибательно сексуального белья, но и чулки, колготки, откровенные пижамки и халатики. И, если честно, я была в восторге от этих покупок. Главное, чтобы папа не убил нас, когда увидит на своей кредитке потраченную нами сумму. А это было только начало! Хи-хи!

После мы получили нереальное удовольствие от покупки красивых блузок, рубашек, кофточек и платьев, туфель и балеток... Перемерили столько всего! И смеялись, и представляли себя моделями на подиуме, и пили шампанское! В общем, всё, как в кино. Наш водитель еле затолкал в багажник бесчисленное множество пакетов. А мы с Татьяной Владимировной, нехило развеселившись от выпитого шампанского, смеялись как глупые дети, и это было так здорово и так необходимо, что все проблемы ушли на второй план. А по дороге домой мы решили заехать в одну кофейню, где готовили самый потрясающий кофе в городе. Заняв столик в самом углу, мы ждали свой заказ.

— Я прекрасно провела время, Рита, — с улыбкой сказала мне мачеха. — А ты?

— Я тоже, — искренне призналась. — Давно я не испытывала столько эмоций от простых покупок.

— Ну я бы не сказала, что это были просто покупки, — с губ Татьяны Владимировны сорвалась хмельная усмешка.

— Илюша, уверена, сейчас находится в лёгком шоке, когда читает уведомления о потраченных нами суммах.

— Он и так слишком долго на нас экономил, — решила я поддержать её задорное настроение. — За всё лето я себе почти ничего не покупала.

— А давай как-нибудь сходим в спа? Отдохнём, поговорим по душам. Я хочу узнать тебя ближе.

Татьяна Владимировна вдруг перешла на серьёзный тон. И что же она хочет узнать о моей душе, если я и сама в ней ещё не до конца разобралась?

— Вы меня и так хорошо знаете, — я взяла в руки горячий латте, от которого исходил просто божественный аромат. Вскоре на нашем столе оказались свежеиспечённые круассаны, и я с жадностью принялась их есть. Да, хорошими манерами я обладала в меньшей степени.

— Ты не права, — вздохнула женщина. — Я знаю о тебе лишь самую малость: какой кофе ты любишь, что терпеть не можешь тушёную капусту и просто обожаешь жареную курицу. Что мотоциклы и гонки — твоя страсть. Всё чаще вижу, как вы похожи с Митей. Вы и правда, как брат и сестра. Это так мило.

Я поперхнулась. Да уж. Мило. Особенно то, что однажды я рукой довела его до оргазма. А так, в принципе, да. Как брат и сестра, ей богу. Мне стало и смешно, и стыдно одновременно.

— Но я не знаю ничего о твоей личной жизни. С кем

ты проводишь время, в кого тайно влюблена, кого целуешь украдкой.

С Матвеем. В Матвея. Матвея. Звучали в моей голове ответы на её вопросы. Только вот мы не знаем, как сообщить вам об этом. Да и вообще, с чего вдруг моей мачехе приспичило узнать меня ближе?

— Зачем вам это? — поинтересовалось я и на миг затаила дыхание.

Женщина томно вздохнула:

— Я знаю, как нам — девочкам, девушкам, женщинам нужна та, которая поймёт и даст совет. Которой можно поплакаться, выговориться, зная, что тебя не осудят. Кому можно вывернуть душу. Нам, в отличие от мужчин, сложно скрывать свои эмоции, их нужно на кого-то или кому-то выплёскивать.

Знаю. У меня был такой человек. Мама. Ох, сколько раз она штопала своими ласковыми словами и тёплыми ладонями моё подростковое разбитое сердце. Сколько раз её смех вытаскивал меня из депрессии… Какой бы хорошей подругой ни была Света, с ней не было так, как с мамой.

— Я не хочу тебе заменять её, — вновь, словно прочитав мои мысли, сказала Татьяна Владимировна.

— Кого? — спросила я и услышала, как дрожит мой голос.

— Ты знаешь кого, — тепло улыбнулась она. — Я о той, о ком ты роняешь слёзы, — она поднесла палец к моей щеке и смахнула слезу. — Так вот знай. Я не пытаюсь занять её

место в твоём сердце, но я могу постараться стать той, к кому ты можешь без стеснения прийти и рассказать о том, что тебя мучает, что терзает, не даёт покоя. Ты дорога мне не меньше, чем Матвей. И я просто хочу, чтобы ты об этом знала. Ты всегда можешь на меня положиться.

Я закрыла лицо руками. Не хотела, чтобы кто-то видел, как я плачу. Мне так нравится Татьяна, нравится проводить с ней время, обожаю, как она готовит, но я боюсь с ней сближаться. Боюсь предать маму. Возможно, это звучит глупо, но каждый раз, общаясь со своей мачехой, чувствую себя предательницей. И мне бы очень хотелось рассказать, как сильно я люблю. Маме бы рассказала. А вот Татьяне Владимировне не могу. Матвей ведь не просто мой парень, он её сын.

— Спасибо, — сквозь слёзы прошептала я.

— Не за что, милая, — она ласково погладила мои волосы.

Домой мы приехали спустя несколько часов после того, как уехали в торговый центр. Не распаковывая вещи, я взяла шлем, намереваясь поехать к Матвею.

— Ты снова в больницу? — удивлённо спросила Татьяна Владимировна.

— Да. Вы не поедете?

— Митя вчера настоятельно просил меня не приезжать к нему каждый день, мол он не маленький и мне необязательно уделять ему слишком много внимания. Видите ли. Странно, что он не сказал этого тебе.

Мне стало стыдно, ведь мне снова пришлось выкручи-

ваться:

— Я же туда приезжаю не только к Матвею, но и к Игорю.

— И приезжаешь поздно ночью тоже из-за Игоря? Вы были близки?

Ну вот. Сейчас она подумает, что я влюблена в Игоря. Боже, как мне это надоело.

— Не то, чтобы близки, но… Я много времени с ним проводила.

Татьяна подозрительно прищурилась:

— Ладно, не буду на тебя давить. Раз тебе так хочется…

— Угу, — кивнула я, облегчённо выдохнув. — Я пойду? — зачем-то спросила разрешения.

— Конечно, — разрешила мачеха, но продолжала сверлить меня взглядом. Они с отцом точно о чём-то догадываются. Как же неловко это осознавать, поэтому я быстро выскользнула из дома. Бежать от проблемы проще простого, поэтому нужно как можно скорее её решить. И, как только Матвей вернётся домой, я заставлю его всё рассказать.

Глава 12

Илья Онежин ждал своего адвоката в недорогом ресторане на окраине города. Он специально выбрал это неприметное место, так как посетителей здесь немного, а лишние уши были ни к чему. Кроме воды он не стал ничего заказывать, ведь он плотно позавтракал — заслуга Татьяны. С ней голодным точно не останешься. Илья улыбнулся, вспомнив о своей жене. Начало их отношений было довольно сложным — ему мешали чувства к умершей жене. Хотя нет. Не мешали. Он просто боялся их предать. Но всё же после нескольких сеансов с психологом, Илья решился на новую жизнь. И не пожалел об этом. Анастасия до последнего его вздоха будет жить в его памяти и сердце, но и Татьяна заняла там важное место. Именно поэтому он сейчас здесь. Ради своей жены, которая места себе не находит из-за трагедии, случившейся с Матвеем. К тому же она переживает и за семейный бизнес, и Илье ничего не остаётся, как взять всё в свои руки и на правах главы семьи попытаться решить проблемы.

Поток мыслей был прерван несколькими поступившими сообщениями на телефон. Илья Онежин открыл их улыбнулся: с кредитки потрачены круглые суммы в нескольких магазинах, а это означало, что его девочки шопингуют. Он не был этому удивлён, так как утром на его просьбу сблизить-

ся с Ритой Таня ответила, что попробует устроить с ней мегапоход за покупками. А также предупредила, что его кредитка сегодня обмельчает. Отношения между его дочерью и женой были неплохими, даже тёплыми. Вот только Рита не секретничала с Татьяной так, как когда-то шепталась с матерью. Илья не хотел давить на дочь, да и просто не представлял, какой подход к ней найти, чтобы она доверилась ему. А ему нужно было знать, какие отношения связывают её с Матвеем. На самом ли деле они основываются на сестринских чувствах или там что-то большее.

Онежин ничего не имел против Матвея. Он хороший парень, умный, ответственный, изо всех сил тянет на себе увядающий бизнес отца. Вот только есть одно но — договор, который связывает пасынка по рукам и ногам в отношениях с девушками. Он, конечно, может встречаться с кем хочет, но ничего серьёзного. А Илья не хотел, чтобы его дочь стала одной из тех, кем можно попользоваться. И надеялся, что если Таня сблизится с его дочерью, то та может с ней однажды поделиться своей личной жизнью. Но это всё в теории, а как будет на практике… покажет время.

— У тебя такое лицо, будто строишь план по захвату мира!

Напротив Онежина за столом нарисовался мужчина средних лет, примерно одного возраста с Ильёй. В дорогом тёмно-синем костюме, с зачёсанными назад рыжеватыми с проседью волосами и насмешливым взглядом зелёных глаз.

Мужчины поздоровались и обменялись рукопожатиями.

— А ты хочешь в команду захватчиков? — пошутил Илья.

— Не отказался бы, — усмехнулся его собеседник. — Но пока моя голова забита делами клиентов, которых с каждым днём становится всё больше и больше.

— Это твой ненавязчивый способ похвастаться?

— Это мой ненавязчивый способ сообщить тебе, что у меня мало времени, — ехидно улыбнулся мужчина.

— Тогда приступим к делу, Василий Александрович?

— Ну зачем так официально? Ты можешь обращаться ко мне и без отчества.

— Как я могу? — Онежин схватился за сердце. — Возможно, передо мной сидит адвокат, который скоро станет пользоваться мировой популярностью. Мне просто совесть не позволит называть его Васькой.

— Ха-ха, — скривился Василий. — Сарказма в тебе, хоть вёдрами вычерпывай.

— Вообще-то это я собирался вычерпывать сегодня из тебя информацию.

— Так я тебе её и сам вылью. Зачем тебе утруждаться?

— Ну так выливай.

Мужчины рассмеялись. Они были друзьями с детства. Ходили в один сад, учились вместе в школе, а потом и в институте на юридическом. Только после окончания пошли разными дорогами. Василий Смирнов стал адвокатом, а Илья Онежин — владельцем сети ювелирных магазинов. Вот толь-

ко дружить не переставали. А Смирнов ещё стал и личным адвокатом Онежина, когда бизнес последнего пошёл в гору.

Василий вынул из своей чёрной кожаной сумки несколько листов и протянул их Илье.

— Здесь вообще всё на поверхности, даже особо и рыть ничего не пришлось. Вот смотри, — он указал на первые две бумаги, что лежали перед Онежиным. — Судя по словам твоего пасынка и дочери вот эти двое — виновники аварии. Солянов Алексей Владимирович, здесь ничего интересного. Тихая семья со средним заработком, таких в нашем городе пруд пруди. А вот этот — Череповский Евгений Александрович — тот ещё обалдуй. У него имеется типа своя ОПГ, — Василий нарисовал в воздухе кавычки. — С шайкой своих друзей-мотоциклистов «гастролируют» по городам, участвуют в нелегальных гонках, в большинстве случаев побеждают и забирают себе деньги, выигранные на ставках. Эти их победы, кстати говоря, не совсем честные. Часто их соперники разбиваются во время гонки, некоторым из них совсем не повезло — уже охраняют землю. У нас кстати три года назад тоже был похожий случай, и Череповский был главным подозреваемым, но дело замяли, и всё списали на несчастный случай. Может, он и с твоим Матвеем хотел провернуть подобное?

Онежин нахмурился. Матвей не дурак, чтобы связываться с таким отрепьем, он очень здраво мыслит и не станет рисковать жизнью, чтобы выиграть в какой-то бестолковой гонке.

— Я хоть и мало знаю своего пасынка, но что-то мне подсказывает, что он не стал бы связываться с этим Череповским. А вот вынудить его это сделать вполне могли.

— И каким же образом?

— В моём доме были разбиты окна, и сделано это было в ночь, когда случилась авария. Не думаю, что это совпадение.

— Возможно, в чём-то и ты прав, — Василий ехидно улыбнулся и указал на третий лист, который до этого момента оставался без внимания. — Посмотри сюда. Вот эта пассия — мать нашего призрачного гонщика. Череповская Надежда. Умерла несколько лет назад, а её сыночек остался под опекой Макарова Олега, брата Надежды. Надеюсь, тебе не нужно объяснять, что это за человек?

— А вот теперь всё встало на свои места, — Илья задумчиво постучал пальцами по столу. — Этот выродок никак не может смириться с тем, что не получается заграбастать чужой бизнес. Неужели он действительно решил, что, лишив жизни Матвея, всё перейдёт в его руки? Наивный.

— Всё станет более понятным после официального допроса. Пока что там всё очень мутно. Адвокат Череповского часами разговаривает со своим подопечным, значит, ему есть, что скрывать.

— Хорошо, держи меня в курсе.

— А мне пора бежать. Клиенты ждут! — Василий подмигнул своему другу.

— Воображаемые? — Илья в усмешке изогнул бровь.

— Самые что ни на есть настоящие!

Они распрощались, и Смирнов выскользнул из ресторана. Онежин ещё раз внимательно изучил документы, заказал свиной стейк, так как к концу встречи всё-таки проголодался, пообедал. После очередного смс, сообщавшем, что его девушки начали переходить черту с тратами, рассмеялся. Почему-то это его совершенно не злило, а забавляло. Ему представилось, как и Рита и Таня без разбора сгребают в пакеты всё, что попадётся на глаза, и вскоре ему предстоит очередной раз выслушивать, что им совершенно нечего надеть. С улыбкой на лице он покинул заведение, сел в машину и попросила водителя отвезти его домой. Хотелось увидеть своих счастливых девочек и сказать им, как сильно их любит. А деньги… Да плевать на них. Он для этого их и зарабатывает, чтобы они приносили мелкие радости.

***

Вся гостиная была заставлена пакетами с одеждой, украшениями и обувью, и их разбором занималась Татьяна. Илья, увидев жену, тепло улыбнулся ей. Она ответила тем же.

— А где Рита? Снова упорхнула к Матвею?

— Ты угадал. Даже не согласилась вместе разобрать вещи. Свои я почти разобрала, а вещи Риты нужно отнести наверх. Пусть сама копается в своём шкафу, я там рыться не собираюсь.

— У вас получилось с ней поговорить? — Илье не терпелось узнать самое главное.

— Да, мы поговорили. Выпили кофе с круассанами и поговорили.

— И что?

— Ничего, — Татьяна пожала плечами.

— Как это? — опешил Илья.

Его супруга вздохнула:

— Илюш, я сказала Рите, что она может положиться на меня и довериться. Но неужели ты думаешь, что она тут же примется выкладывать мне все свои секреты?

— Если честно, на это и был расчёт, — Илья устало упал на диван. — Меня очень беспокоят они с Матвеем.

— А я считаю глупостью все твои беспокойства на этот счёт. Что плохого в том, что наши дети так сдружились?

— Они не сдружились, Таня, а влюбились. Понимаешь? — он раздражённо закатил глаза.

Татьяна в ответ лишь рассмеялась.

— Ничего смешного. Как говорится, он ненависти до любви один шаг, и я уверен, что они этот шаг сделали.

— Я сомневаюсь, что ты прав, но даже если и так, что в этом такого? Они же неродные, — продолжала Татьяна стоять на своём. Она не верила в глупые догадки своего мужа, поэтому пыталась его успокоить, чтобы он себя не накручивал.

— Я просто не хочу, чтобы моя дочь страдала от несчастной любви. Ты ведь прекрасно понимаешь, что они не могут быть вместе.

— Илюш, — она взяла его за руки. — Они взрослые, справятся со всеми своими проблемами сами. Давай просто не будем им мешать. У наших детей много общего, поэтому они и сдружились. Сомневаюсь, что со дня на день они заявятся к нам, заявив о том, что собираются пожениться. Просто отпусти эту ситуацию. Ты напрасно переживаешь.

— Хотелось бы, чтобы ты оказалась права, дорогая. Но эти их взгляды… Они какие-то странные.

— Так ты разбираешься во взглядах? — рассмеялась Татьяна и поцеловала мужа в губы. – Давно ли?

— Только во влюблённых, — промурлыкал он, взял свою жену на руки и скрылся вместе с ней в спальне.

Глава 13

Тонкая лунная полоска падала на шёлковые одеяла, под которым в обнимку лежали Илья с Татьяной и тихо хихикали, словно маленькие дети. Они слышали, как несколько минут назад вернулась Рита и закрылась в своей комнате. Супруги не хотели, чтобы их тайна нарушалась, им просто хотелось побыть в обществе друг друга, а это удавалось не так часто. Даже от взрослых детей приходилось скрываться.

— Тебе не кажется, что Рита слишком поздно возвращается? — задумчиво спросил Илья.

Татьяна закатила глаза и подняла голову с крепкого плеча мужа, раздражённо вздохнув.

— Ты зациклен. Оставь уже детей в покое.

— Я просто переживаю, Танюш.

— Им же не по пять лет! Хватит уже нянчиться с ними, ну серьёзно. У нас был такой прекрасный вечер, давай не будем его портить.

— Ладно, — Онежин сдался. — Но я всё равно узнаю правду. Рано или поздно.

— Обязательно узнаешь. Когда они сами решат рассказать, если всё на самом деле так, как ты думаешь.

— То есть, ты тоже что-то подозреваешь?

— Илья! Ты сейчас серьёзно? — Татьяна закипала.

— Ну ладно, прости, — полез он её целовать. — Всё. Я забыл. Честно.

Он снова стал убаюкивать свою жену в объятиях, зарывшись пальцами в её коротких, но гладких, как шёлк, волосах.

— Ты сегодня виделся с Васей? — Татьяна решила перевести тему. Ей не нравилось, что Илья зациклен на отношениях детей. Она тоже об этом переживала, но старалась не накручивать себя. В конце концов небо не обрушится, если Матвей и Рита действительно влюблены. Да, это создаст некоторые проблемы, которые будет крайне сложно решить, но их дети уже достаточно взрослые, чтобы самостоятельно принимать решения.

— Виделся, — кивнул Илья.

— Он узнал что-нибудь?

— Узнал.

— Мне каждое слово из тебя вытаскивать, Илюш? Расскажи мне, что известно.

— Всё это — дело рук Макарова, — холодно ответил Онежин. Татьяна вздрогнула. Она не ожидала услышать эту фамилию.

— Ты в этом уверен?

— А ты нет?

— Ну не знаю… Они с Данилом всё-таки дружили…

— И этот друг после смерти Старцева тут же решил прибрать к рукам его бизнес и обокрасть. Ты же всё прекрасно знаешь, Тань. Знаешь о всех его махинациях.

— Да, но… Навредить Мите… Это уже чересчур. Не хочется в это верить.

— Завтра наведуюсь в офис. Наверняка этот жлоб потирает руки, сидя на кресле генерального директора. Выведу его на чистую воду.

— Илюш, может не надо? Не стоит оно того.

— Не стоит искать того, кто причинил вред твоему сыну? — удивился Илья. — Ты уверена?

— Может быть, это всё-таки не он? — до последнего надеялась Татьяна. — Странно это как-то…

— Он, не он… Но сделано это было руками его родного племянника. И, как я предполагаю, без Макарова здесь не обошлось.

— То есть доказательств нет?

— Тань…

— Знаю. Просто в это сложно поверить. Я, конечно, никогда не виделась с Женей, но Олег часто о нём говорил, когда бывал в нашем доме. Как тесен мир…

— А ещё наш мир жесток, Тань, — Илья погладил её по плечу и поцеловал в макушку. — Но я сделаю всё возможное, чтобы виноватые получили по заслугам.

Он почувствовал, как на его плечо скатилась тёплая слеза.

— Танюш, ну ты чего? Милая моя…

— Просто… Мы за одним столом ели и пили, вели душевные разговоры. Так неприятно узнавать о человеке нечто ужасное, что он способен на такие мерзкие поступки.

— Это всё в прошлом, дорогая. Забудь. Сейчас каждый сам за себя.

— Но калечить то зачем?! — женщина не сдержалась и повысила голос. — Это же человеческие жизни! Игорь так вообще не понятно, что с ним будет дальше. Мальчики пострадали из-за глупости и алчности! Это ведь… жестоко!

Она встала и начала мерить шагами комнату. Илья подошёл к ней и обнял крепко-крепко. Не любил, когда женщины плачут, а особенно, если эта женщина — любимая. Татьяна зарыдала, уткнувшись в его грудь. А он, переполненный ненавистью к Макарову, успокаивающе гладил её по спине, пока в дверь не раздался стук.

— Пап, у вас всё хорошо? — спросила Рита из-за двери.

— Всё хорошо, дочка.

— Просто я услышала крик…

— Не переживай, иди спать.

— Точно? — неуверенно переспросила девушка.

— Да, Риточка, — ответила ей Татьяна сквозь слёзы. — Просто мы тут обсуждаем кое-что и вышли на эмоции.

— Хорошо. Я тогда пойду?

— Иди…

Когда за дверью стихло, Илья посмотрел на жену и вытер большими пальцами слёзы с её щёк.

— Если он виновен, то получит по заслугам. Я тебе обещаю.

— Спасибо, Илюш, — прошептала она. — Я люблю те-

бя…

— А я тебя.

***

На следующий день Илья Онежин проснулся рано. Быстро принял душ, выпил кофе. Ещё с вечера он предупредил своего водителя, чтобы к шести утра была готова машина. Поэтому в начале седьмого он уже был в дороге. Он был уверен, что Макаров, если и будет в офисе, то ранним утром, чтобы не вызывать к себе лишнего внимания. Так и произошло. Вот только Онежин приехал туда раньше, зашёл в кабинет Матвея, встал у окна и стал ждать.

Макарова он заметил, когда тот припарковался и вышел из машины. Озираясь по сторонам, он быстро вошёл в здание, и через пару минут Илья услышал, как звякнул лифт. Онежин не волновался и не боялся, только злость переполняла его до краёв. Когда Макаров открыл дверь и застыл, не ожидая увидеть «гостя», Илье захотелось схватить его за толстую шею и придушить к чертям собачьим. Только пришлось сдерживаться. Олег попятился, будто считал с Онежина все злые намерения в отношении себя.

— Ну и куда ты собрался? — устало спросил его Илья, огибая полное тело, от которого уже с самого утра разило какой-то кислятиной, и закрывая дверь, чтобы вонючее тело от него не сбежало.

— Я… А ты…

— Дар речи потерял? А зря. Нам с тобой сейчас предстоит

серьёзный разговор. Ты присаживайся.

Илья указал ему на стул и слегка подтолкнул вперёд.

— Ну ты чего встал то? Неужели ещё и ходить разучился? Извини, но боюсь, что у меня сил не хватит тебя пронести хоть пару метров, — позволил он себе дерзость.

Макаров послушно уселся и со страхом посмотрел на того, кого меньше всего ожидал здесь увидеть. А вернее — совсем не ожидал.

Онежин подошёл к окну и открыл форточки, усмехнувшись:

— А ты вообще когда-нибудь про душ слышал? Дышать рядом с тобой невозможно. Немудрено, что ты всех партнёров распугал, пустив компанию по ветру.

— Ты это… не оскорбляй, — Олег достал белую салфетку и стал вытирать проступивший на лбу пот.

— Да ты что? — Илья схватился за грудь. — Как я смею? Я просто констатирую факт. Такой смерд стоит, что просто ужас.

Макаров покраснел от ярости и заиграл желваками, а потом вдруг на его лице растянулась злая ухмылка:

— А ты что здесь вообще делаешь? Решил всё это к рукам прибрать, да?

— Не нужно приписывать мне свои грешки, Олег. Во мне нет той алчности, что живёт в тебе.

Улыбка Макарова стала ещё омерзительнее. Было видно, что он боится, значит, было чего. Но пытался всё скрыть на-

пускным злорадством.

— Скажи мне лучше, что *ты* здесь делаешь? Ведь, если мне не изменяет память, то тебя уволили.

Олег нервно заёрзал на стуле:

— Да так, пришёл забрать некоторые вещички…

— В кабинете Матвея? Он всё твоё вышвырнул отсюда, когда занял место своего отца вместо тебя.

Макаров молчал:

— Хорошо, — согласился Илья Онежин. — Раз пришёл — забирай.

— Ч-ч-что забирать? — Макаров стал заикаться.

— Свои вещи, — усмехнулся Илья.

— Да тут, возможно, ничего и нет, — Олег покраснел, его глаза забегали, а пальцы побелели от того, как сильно он вцепился в свой потрёпанный портфель. На его лбу снова проступила испарина, и он привычно стал обтираться салфеткой, успевшей стать грязной. Даже не сменил её.

Илья смотрел на Олега, едва подавляя приступ тошноты. В кабинете воняло, даже открытые окна не помогали, да и сам Макаров напоминал ему отрицательного персонажа Колывана из мультфильма «Три богатыря». Онежину надоел этот спектакль, и, когда Макаров всё чаще стал поглядывать на дверь, подошёл к нему и схватил за грудки:

— Ты что о себе возомнил, говна ты кусок? Богом себя возомнил, чтобы решать чужие судьбы? — между вопросами Илья жадно вдыхал воздух. — Кто давал тебе право кале-

чить моего сына? Неужели ты серьёзно решил, что если его убрать, то компания перейдёт тебе? С чего ты вообще взял, что можешь появляться здесь? Мерзость.

Илья оттолкнул Олега, и тот чуть не упал со стула.

— Что ты такое несёшь? — спросил Макаров. — Я никого не калечил и не собирался убирать.

— Правда?! — Онежин перешёл на повышенный тон. — Твой драгоценный племянничек раскололся, так что скоро тебе светит небо в клеточку.

Олег стал пунцовым от злости. Из его раздутых ноздрей только что пар не шёл. Онежин задел его за живое, за больное. За правду. Он так и знал, что этот козёл причастен к аварии.

— Ты блефуешь, — прохрипел Олег. — Женя не мог рассказать то, чего не было.

— Откуда тебе знать, что именно он рассказал? Я вот только одного не пойму: тебе мало того, что ты и так чуть не обанкротил Старцевых? Решил забрать всё, что осталось? Эти мелкие крохи? А жирно тебе не будет?

— Слушай, Онежин, — Макаров встал напротив него, осмелев. — Ты бы не лез в это дело, ты тут вообще никаким боком. После того, как не стало Данила, я тут всё тянул, пока его отпрыск типа «учился», трахая девок налево и направо. Думаешь, я не знаю, какой образ жизни он ведёт? Он ни разу не поинтересовался, как идут дела, какие проблемы существуют, и кто их решает. Ему было плевать. А затем приехал

и стал наводить свои порядки, забыв о том, что, если бы не я, эта полуразорившаяся конторка сгинула под землю, и о ней никто бы не вспомнил. А я…

— А ты, — перебил его Илья, — вытянул отсюда всё! Из компании, которую поднимал вместе со Старцевым, из компании, в которую только *он* вложил капитал, а тебя подобрал с улицы. Он доверял тебе, а ты чуть не угробил его единственного сына.

— Да никто не собирался его убивать! Только устранить на время!

Макаров осёкся и закрыл рот. Отшатнулся от Онежина, словно перед ним стоит сам дьявол. Обессиленно упал на стул и вцепился пальцами в свои засаленные волосы.

— А говорил, что не имеешь к этому никакому отношения, — Онежин торжествовал. Он добился того, чего хотел.

— Ты спровоцировал меня, — не унимался Олег. — Я только хотел сказать, что…

— Что ты попросил своего племянника устранить Матвея, чтобы забрать у Старцевых последние крохи, что здесь остались, — констатировал Илья. — Я это сразу понял. Нужно было только добиться от тебя, чтобы ты сам в этом признался. Видишь ли, адвокатишка твой больно уж суетной. Того и глядишь, замяли бы всё это, как три года назад с тем парнем, которого твой племянник безжалостно отправил на тот свет, — Илья выжидающе смотрел на своего собеседника.

И снова в точку. Олег побледнел и трясущимися руками схватил со стола стакан и жадно отпил из него воды.

— Ты ничего не докажешь, Онежин! Мои руки чисты.

— Лихо ты придумал руками родного племянника конкурента с дороги убрать.

— Я могу идти? — зло прошипел Макаров. — Мне надоел этот разговор. Я больше не собираюсь с тобой ни о чём говорить. Провокатор хренов.

— Иди, я тебя не держу. Мне лестно, что ты спрашиваешь у меня разрешения, — ехидно улыбнулся Илья. — Только больше не смей сюда соваться. Ты никто. Следующее твоё появление будет классифицироваться, как незаконное проникновение. Поверь, я позабочусь об этом. И на твоём месте я был бы благодарен Матвею, что он не заявил на тебя за кражу денег компании.

— Ага, разбежался, — пропыхтел Олег. — Это он должен меня благодарить, что я занимался всем этим в его отсутствие. Арривидерчи. Разговор окончен.

Макаров быстро вышел из кабинета, а Илья тихо рассмеялся — каким же глупым показался ему Олег. Достал из кармана брюк маленький диктофон и прошептал, провожая взглядом набитый дерьмом мешок, который садился в свой внедорожник, опасливо озираясь по сторонам:

— Ты уже и так сказал всё, что мне было нужно.

Задерживаться в здании Илья и сам больше не стал. Спустился на первый этаж, дал указание охраннику, чтобы боль-

ше не впускал сюда Макарова, а администратора попросил сменить ключ на всех входных дверях, а также от кабинета Матвея. После позвонил Василию и рассказал о недавнем разговоре. Тот пообещал забрать запись и передать в органы, чтобы там с этим разбирались.

День обещал быть прекрасным. Ведь начался он очень даже неплохо, если не считать того, что Илье казалось, будто он насквозь провонял запахом Олега, поэтому сейчас мечтал принять душ. Скоро вся эта эпопея закончится: Макарова посадят, Матвей возглавит компанию отца, а после того, как исполнит свою роль, его бизнес и вовсе должен пойти в гору. Для Ильи это было важно, ведь Матвей теперь тоже его семья. Главное, чтобы в этот идеальный план не вписалась любовь… Но Онежину что-то подсказывало, что это чувство обязательно нарушит все планы. Ведь он не сомневался, что Матвей с Ритой влюблены друг в друга, но продолжал надеяться на то, что ошибается.

Глава 14

Осень. В этом году она для меня особенная. Она не навевает тоску, не вызывает желания сидеть дома, укутанной пледом и с чашкой горячего чая в руке. Она переполняет моё сердце радостью и любовью. Даже тот факт, что сегодня первый день учёбы, не омрачает моего настроения. Ведь впереди меня ждёт целый аттракцион захватывающих эмоций с любимым человеком. Вечерние прогулки, поцелуи, признания в любви… Именно так я представляла свою осень. Нашу с Матвеем осень.

Сегодня я решила дойти до универа пешком: надышаться запахом почвы, который витал в воздухе после ночного дождя, насладиться шорохом листьев и впитать в себя тепло, которым ещё радовало солнце, время от времени появляясь из-за облаков. Я даже одета была по настроению — белые гольфы, кожаная пышная юбка, белая блуза с жёлтым галстуком и кофейного цвета пальто. Причёски я делать не любила, да и не умела, но сегодня мне так захотелось накрутить локоны, что я не стала отказывать себе в удовольствии. Они у меня получились почти идеальными, чему я удивилась, ведь обычно попытки сделать себе причёску оборачиваются для моих волос катастрофой — их невозможно расчесать. Дополнила я свою укладку серебряной заколкой на

затылке, на которой красовался жёлтый бантик. Жаль, что мой образ некому оценить. Утром позвонила Света и сказала, что пропустит сегодняшний день. Её отец с кем-то договорился, и ей позволили свидание с Лёшей. Конечно, такой шанс упускать нельзя, но меня очень беспокоило состояние подруги. По телефону её голос казался мне подавленным. Уже не было той подруги, которая хихикала по поводу и без повода, обсуждала со мной парней и свои многочисленные свидания. Света стала другой.

Это лето нас обеих изменило. Из пацанки я превратилась в красивую девушку, по крайней мере моё отражение в зеркале сегодня порадовало мой взор. В прошлом году я не вылезала из джинсов и кроссовок, а на моей голове неизменно красовался «пучок». Но с сегодняшнего дня я хотела измениться. Для Матвея. Хочу, чтобы он любовался мной, считал своей принцессой. Ведь ему же нравятся такие девушки. Вот Яна, например. Нет, я конечно не хочу что-то кардинально менять в своей внешности, но ведь сменить свой лук можно же, чтобы Матвей не разочаровался в своём выборе? Спасибо Татьяне Владимировне за то, что вдохновила меня купить все эти вещи и аксессуары к ним.

Настроение было просто волшебным. Я шла, не спеша, любуясь красивым осенним пейзажем. Листья срывались с веток даже от слабого дуновения ветра, и я, смеясь, кружилась вместе с ними, а в моих наушниках играл Linkin Park. Для полного счастья мне не хватало Матвея рядом, но его

вот-вот выпишут, так сказал врач, и всё встанет на свои места.

Я зашла в аудиторию за минуту до начала пары, приковав к себе взгляды одногруппников. Да, они не привыкли видеть меня такой. Но им нужно будет привыкнуть – теперь я всегда буду выглядеть так. Подруг, кроме Светки, у меня не было. Да и вообще, если я с кем и общалась в универе, то в большинстве случаев с парнями – из-за гонок, так как добрая часть мужской половины приезжала на учёбу на байках. С мальчиками мне было интереснее обсуждать технику, чем с девочками – шмотки и новые туфли. Ну вот такая уж я. Я спокойно прошла на своё место, села и достала тетради.

Арсений – мой одногруппник, и когда-то соперник по гонкам схватил свои вещи и плюхнулся рядом со мной:

— Ты не против? Светки вроде нет…

— Да сиди, мне без разницы, — повела я плечом.

Его глаза загорелись, и он начал сыпать на меня вопросы:

— Рит, а правда, что Мот и Игорь в больнице? Их Череп сбил?

Я обвела взглядом аудиторию и поняла, что почти все нас подслушивают. Матвей был достаточно известен в этом городе и из-за фамилии своего отца, и из-за своих похождений. От последней мысли меня передёрнуло: есть ли здесь среди девушек те, с кем он спал? Раньше я не задумывалась об этом, а сейчас в ушах зазвенело от того, что каждую девчонку я представляла с ним в постели. Или не в постели. Где

обычно занимаются сексом, если не дома? Моё прекрасное настроение улетучилось.

— Сень, — посмотрела я на одногруппника. – Да, Матвей и Игорь в больнице. Больше я пока ничего сказать не могу.

— А правда, что Игорь в коме, и у него мало шансов?

— Это у тебя будет мало шансов дожить до конца пары, если не заткнёшься! – вспылила я и пихнула его в плечо, не забыв дать затрещину этой любопытной Варваре.

— Ну Рит, мы же все переживаем. Как-никак они наши друзья, — Арсений закрылся руками от моих ударов.

— И почему же вы, друзья, ни разу не навестили их в больнице?

Ответом мне послужила тишина и опущенные виноватые взгляды. Я встала, привлекая к себе внимание всех присутствующих:

— Итак, кому ещё интересно, сообщаю: мой сводный брат (уверена, об этом уже все знают) Матвей и Игорь попали в аварию. Сейчас они находятся в больнице. Игорь в тяжёлом состоянии, это правда. Желающие могут его навестить. Возможно, это поможет ему поправиться. Но только в том случае, если вы действительно друзья, а не разносчики дешёвых сплетен. К сожалению, больше ничего сказать не могу, так как ведётся следствие. Если вам хочется знать больше информации – вэлком в местное отделение полиции. Хотя фактически мы ещё не журналисты, и со стопроцентной вероятностью могу сказать, что вас погонят оттуда поганой метлой.

Спасибо за внимание, — я улыбнулась своей самой презрительной улыбкой.

Я закончила и вернулась на своё место. Возможно, я сказала это грубо, предвзято, но по-другому не могла. Если бы кто-то из них действительно сочувствовал, то нашли бы время прийти в больницу. Но всем плевать.

— Да, Онежина, — услышала я смешок с задних рядов. – Юбку и каблуки напялила, а разговаривать, как леди, так и не научилась.

Мне даже оборачиваться не пришлось, чтобы понять, кто это выкрикнул. Савельев. Любитель задирать девчонок. Всех подряд. То ли пытается обратить на себя женское внимание, то ли хочет самоутвердиться за счёт других, потому что, если слухи не врут, он всё ещё девственник. А ведь ему, на минуточку, скоро двадцать лет! Естественно, что парни над ним насмехаются (какие же интересные у них стереотипы). Нас с Савельевым связывали особые отношения — неприязненные. Он всё время придирался ко мне из-за одежды, манеры общения, и именно он закрепил за мной прозвище — пацанка. Поэтому церемониться с ним я не стала.

— А ты, Костик, всё ещё не затащил к себе в постель девчонку? — тоненьким голосочком спросила я, повернулась к нему и захлопала ресницами.

— Заткнись, Онежина! — сквозь зубы прошипел он, явно недовольный моим высказыванием на всю аудиторию. — Твоего тупого мнения никто не спрашивал.

— Ты сейчас удивишься, но и я твоего не спрашивала тоже.

— Засунь свой язык в задницу Старцеву. Там он будет намного полезнее.

А вот это он сказал зря. Я не терплю к себе такого неуважения. Никто не смеет говорить про меня такие мерзости, а тем более лезть в мою личную жизнь. Я медленно поднялась, прошла между рядов к месту, где сидел Савельев, ядовито улыбнулась ему и, вцепившись в его вечно растрёпанные сальные волосы, ударила его головой о парту. Нос я ему, конечно, не сломала, да это и не было моей основной целью, но припечатала я его не слабо. Аудитория взорвалась громким смехом. Моя выходка была лишним поводом посмеяться над этим придурком. Костя раздражал всех и каждого.

Савельев сначала ошарашенно на меня посмотрел, затем, поняв, что произошло, завизжал, как ненормальный:

— Ты! Малахольная! Охренела совсем?! Я тебя…

Договорить он не успел — его прервал вошедший в помещение препод-историк:

— Савельев! — окликнул он Костю. — Как вы выражаетесь? Вы не заметили, что у нас лекция начинается? А вы, Маргарита, почему расхаживаете по аудитории?

— Извините, — с удовлетворённой улыбкой произнесла я и, расправив плечи, собралась вернуться за свою парту, как вдруг этот придурок подставил мне подножку, и я, пролетев пару метров, упала на четвереньки.

— Онежина, как тебе не стыдно! — рассмеялся Савельев. — Зачем нам знать твою любимую позу?

Кроме него не смеялся никто. Я в принципе не была предметом насмешек, ко мне все относились равнодушно, и эта выходка была очередной ошибкой моего одногруппника.

Препод что-то возмущённо кричал, но я не разбирала его слов — в моих ушах зазвенело от злости. Не думая о последствиях, я поднялась на ноги, сняла с ноги туфлю и начала лупить ею идиота-Савельева по спине. Ему повезло, что это была не шпилька, а довольно широкий каблук, иначе я бы изрешетила его спину. От ярости я перестала соображать, что делаю, помню только, как кто-то меня оттащил, а Савельев орал, как девчонка. И ещё помню слова препода:

— Онежина и Савельев! Быстро покинули аудиторию!

Я не стала мешкаться — собрала в охапку все свои вещи и выбежала вон. Вот такая моя другая сторона. Сторона Риты-студентки. Я забыла о ней на время летних каникул, надеялась, что всё изменится, но нет. Папа сегодня снова будет недоволен своей дочерью. Почему-то в школе я была примерным ребёнком, а вот поступив в институт, что-то со мной пошло не так. Вернее, со мной случился Савельев. Тот самый мой одноклассник, с которым у меня было первое неудачное свидание. И как я вообще могла быть в него влюблена. Придурок полный! Когда, ещё в школе, я решила с ним не встречаться и сказала об этом, то задела его самолюбие. По несчастливой случайности мы поступили на один курс, и те-

перь я вынуждена терпеть его выходки. Я так и не поняла: то ли он мстит мне, то ли пытается что-то доказать, но мы враждовали весь первый курс. Я надеялась, что на втором что-то изменится, но нет. Первый учебный день тому подтверждение.

В коридоре меня догнал объект моего «обожания».

— Онежина, скажи спасибо, что нос мне не сломала.

— Иначе что? – не глядя на него бросила я, спеша к выходу. – Избил бы слабую девчонку? Конечно, именно это тебе под силу.

— Какая же ты тварь, — произнёс он, приблизившись к моему лицу. – Придушил бы.

— Так что тебе мешает? – я остановилась и нагло посмотрела ему в глаза.

— То, что ты девчонка, — не задумавшись ответил он и ушёл, на ходу показывая мне средний палец.

Я простонала, обессиленно сползая по стене. И это только второй курс. Если ничего не изменится, мы убьём друг друга.

Глава 15

Домой попасть я не спешила. Знала, что там меня ждёт уже знающий обо всём случившемся в универе папа, и наш с ним неизбежный разговор я оттягивала, как могла. Я не боюсь своего отца, вовсе нет. Просто не любила, когда мне читают мораль. А особенно меня убивает: «Ты же девочка!» Как будто мой пол должен загонять меня в определённые рамки, а я никогда не стремилась быть леди, ну разве что сегодня утром. Но, как показала практика, у меня это плохо получается. Дорогой я решила позвонить Матвею, но его телефон на удивление оказался вне зоны доступа. Раньше такого не было. Он всегда ждал моего звонка. Что могло случиться? Я решила, что обязательно поеду в больницу, как только выслушаю нотации папы. Я не из тех, кто откладывает неприятные разговоры на потом — они мешают свободно проживать мгновения и тяжким грузом лежат на душе. Уж лучше сразу всё решить, а потом с чистой совестью заниматься приятными делами.

Как я и предполагала, отец ждал меня в гостиной. Вот только в его взгляде не было укора или досады, только усталость. В последнее время на него много чего навалилось, а тут ещё меня выгнали с пары в первый учебный день. Идти на остальные предметы у меня просто не осталось желания.

— Ты, конечно же, уже всё знаешь? — закатив глаза, я

скинула с ног и обувь и села рядом с папой на диван.

— О том, что ты снова надрала задницу однокурснику? Конечно. Мне всегда докладывают о тебе всё самому первому. Если с моей девочкой что-то случается, я незамедлительно должен об этом узнать.

Он обнял меня и поцеловал в макушку. Его реакция меня удивила, но я прижалась к такому родному телу и вдохнула запах своего папы, который я помню с самого детства — аромат чистой рубашки и древесно-ванильных духов. Обожаю.

— И ты совсем не собираешься меня ругать? — тоненьким детским голоском протянула я.

— Ругать? — папа рассмеялся. — Ты же не маленькая девочка, чтобы отчитывать тебя за драку, тем более с каким-то парнем. Наоборот, я горжусь, что моя дочь умеет постоять за себя.

— Я ожидала от тебя другой реакции…

— И какой же? Что я тебя в угол поставлю? — снова ухмыльнулся.

— Ну хотя бы прочитаешь мораль, что своими повадками я больше напоминаю мальчика, чем девочку.

— Зато своей красотой ты больше напоминаешь принцессу из сказки.

— Папа! — я зарделась.

— Что? Я говорю истинную правду. У меня самая красивая дочь на свете.

— Я сейчас покраснею.

— Ты похожа на маму, Рита. А твоя мама была очень красивой. Да ты и сама это прекрасно знаешь.

— Да.

Я затаила дыхание. Мы с папой давно не говорили о маме вот так. Мне показалось, что он говорит о ней с тоской, грустью, сожалением.

— Ты скучаешь по ней? — осторожно спросила я. Не знаю, как отнесётся к такому разговору Татьяна Владимировна, но её вроде не было поблизости, поэтому я надеялась, что она не слышит.

— Конечно, скучаю, милая. Иначе не получается. Твоя мама была и остаётся моей первой любовью. А это чувство не забывается.

— А как же Татьяна Владимировна?

— Не сравнивай, Рита, — отмахнулся папа. — Я люблю Таню. Очень. Но это не значит, что я должен забыть о Насте. И Таня это прекрасно понимает.

Я крепко обняла его. Я не раз возвращалась к мысли о том, как же папе повезло со второй женой. А мне с мачехой. И с Матвеем. Кстати…

— Пап, мне нужно к Матвею. Его телефон недоступен, и я переживаю…

— А, Матвей, — папа ударил себя по лбу, будто что-то вспомнил. — Пока мы дома одни, хотел с тобой кое о чём поговорить.

— Если ты о нас с Матвеем, то лучше не начинай.

— Я просто хотел спросить тебя, знаешь ли о том, что его ждёт в будущем?

— Ты о чём? — настороженно спросила я, уверенная, что не знаю, о чём говорит отец.

— Думаю, тебе об этом должен сказать сам Матвей. А раз ты не в курсе, значит, мои догадки касательно вас двоих правдивы.

Я отпрянула от него, как от огня.

— Что ты имеешь ввиду, пап? Между нами ничего нет. Может, он просто не готов мне рассказать о чём-то важном? А может…

Я не успела договорить, потому что входная дверь распахнулась, и в дом вошли Матвей и Татьяна Владимировна. Последняя поддерживала своего сына, так как самостоятельно ходить ему ещё было тяжело.

— Матвей, — прошептала я. Моё сердце пустилось в пляс от радости и от понимания, что его выписали. — Тебя же обещали отпустить домой только через неделю.

Мне хотелось броситься ему на шею, расцеловать всего, но при родителях мне приходилось себя сдерживать.

— Ну вот, — расстроено посмотрел на меня Матвей. — Сюрприз не удался. Ты же должна была вернуться как минимум часа через четыре.

— Как-то не задалось, — улыбнулась я. — Но удивить меня у тебя получилось.

Татьяна Владимировна с папой как-то странно на нас

смотрели, и мне стало не по себе. В этот момент я почувствовала себя голой, и во мне разгорелось рьяное делание прикрыться руками.

— Даже не обнимешь меня, сестрёнка? — подмигнул мне Матвей, и я нерешительно шагнула к нему.

— Ну же, смелее, — звал он меня.

Через пару секунд я, наконец, обняла его за талию. Как же хорошо, что он теперь дома. Вот только как вести себя рядом с родителями? Будто прочитав мои мысли, Матвей шепнул мне на ухо так тихо, что могла слышать только я:

— Скоро мы обо всём расскажем, Малина. Потерпи немного.

И я поверила. Чтобы наши объятия не казались слишком долгими и нецеломудренными, мне пришлось оторваться и погрузиться в неловкое молчание.

— Ну что, — вдруг радостно улыбнулась мачеха, — сегодня нас ждёт праздничный обед! Отметим начало учебного года Риты и возвращение Митеньки. Я всё приготовлю.

— А я пойду переоденусь, — нашла я повод, чтобы покинуть гостиную. Было невыносимо находиться под гнётом папиного взгляда.

— Поможешь мне подняться в мою спальню? — вдруг обратился ко мне Матвей. Он был уже без костылей, но стоял с трудом, облокотившись на шкаф в прихожей.

— Конечно, — деланно равнодушно согласилась я. — Только сильно не наваливайся на меня, а то раздавишь, — я

насмешливо окинула его взглядом.

— Как я могу? — изогнул он бровь.

Поднялись наверх мы на удивление быстро. Я даже удивилась, что Матвею практически не понадобилась моя помощь. Он просто обнимал меня за плечо, и я не чувствовала его веса на себе. Оказавшись у своей спальни, он открыл дверь и тихо затолкал меня в комнату.

— Матвей! Что ты делаешь?

— Вот это.

Он захлопнул дверь, прижал меня к стене и впился своими губами в мои, заставив мой разум испариться бесследно. Я утонула в жадном поцелуе, безразборчиво скользила руками по крепкой груди, затем задрала его футболку и коснулась напряжённого пресса. Матвей глухо простонал и прижался ко мне. Боги! Он вовсе не казался слабым и больным. Он дал мне почувствовать, как хочет меня, как любит. Запустив пальцы в мои волосы, он потянул их назад и провёл губами по моей шее. Наши стоны смешались, а дыхание стало одним на двоих. Под кожей пробежали электрические разряды, мои колени задрожали, но Матвей не давал мне упасть, крепко держа меня за бёдра. Его ладони поочерёдно проскальзывали под мою юбку, касаясь самого сокровенного, а в моих глазах темнело от невообразимо приятных ощущений. Он был словно цунами, моей личной погибелью, и я была готова отдать свою жизнь, ради того, чтобы навеки слиться воедино и никогда с ним не разлучаться.

Наваждение прошло так же быстро, как и началось. Матвей остановился, несколько раз тяжело вздохнул, затем резко отпустил меня, и я еле смогла устоять на ногах, сдерживая разочарованный стон. Мне было мало.

— Прости, я не сдержался. Так сильно соскучился по тебе.

Я открывала и закрывала рот, забыв все слова на свете. Голова кружилась от упоения, мышцы внизу живота часто сокращались, и частыми вдохами я пыталась вернуть себя в реальность.

— Ты сегодня очень красивая, Рита, — понизив голос, произнёс Матвей.

— Сегодня? — хрипло выдавила я из себя.

— Сегодня особенно. Надевай юбки почаще.

— Я рада, что ты вернулся, — я окончательно пришла в себя и теперь снова могла говорить предложениями. — Если бы я знала, я бы подготовилась…

— Как? — в его глазах вспыхнул огонь. Я поняла, о чём он думает, но тут же опустила его с небес на землю:

— Весь дом украсила бы шариками, купила бы тебе колпак именинника, и мы с папой встретили бы тебя хлопушками из конфетти, — я хихикнула.

— Неплохо, но я бы предпочёл более взрослую встречу.

Моё лицо залила краска, и я прижала к нему свои прохладные ладони. Не помогло. Матвей умеет заставить меня смущаться, зная, что разговоры *об этом* приводят меня в ступор.

— Замолчи, — закусила я губу и поспешила выбраться из этой комнаты, пока мои мозги совсем не расплавились.

— Рит, — окликнул меня Матвей, когда я уже почти вышла. Я замерла. — Увидимся на обеде?

— Угу.

Бесшумно закрыла за собой дверь и прошмыгнула в свою комнату. Схватила с кровати подушку и, приложив её к лицу, завизжала, что есть мочи. От радости. От счастья. От любви. Как же я люблю Матвея. До безумия, до нежности, до последнего дыхания. Ни разу в жизни ни с кем я не испытывала такого спектра эмоций, как с ним. Я стала зависима от него, и казалось, что моя жизнь уже не будет прежней.

Прокричавшись и приведя мысли в порядок, я переоделась в простой спортивный костюм фисташкового цвета, помыла волосы и собрала их в высокий хвост. Мне, конечно, хотелось выглядеть так же красиво, как и сегодня утром, чтобы Матвей не сводил с меня глаз, но это могло показаться подозрительным, а нам обоим пока не нужно лишнее внимание родителей. Они и так наблюдают за каждым нашим движением, а мы пока не готовы рассказать о нас.

К обеденному столу я спустилась последней. Все остальные домочадцы что-то весело обсуждали, а развлекал всех, конечно, Матвей своими бесконечными шуточками. Когда я села на своё место, он бросил на меня беглый взгляд, но я заметила, как он напрягся. Неужели даже в таком виде я произвожу на него впечатление? Решив немного подразнить

его, я как бы невзначай дёрнула плечом и оголила его, скинув бретель майки вниз. Он сразу заметил это. Пальцы, державшие вилку, сжались, и он с трудом сглотнул еду, которую до этого тщательно пережёвывал. Матвей еле заметно покачал головой, говоря мне: «Не надо». Но я не собиралась останавливаться. Ещё полчаса часа назад он дразнил меня своим поцелуем, касаниями, и я хотела отплатить ему той же монетой. Я медленно облизала нижнюю губу, а затем прикусила её, сдерживая своё ликование: Матвей резко встал из-за стола и, запинаясь, произнёс:

— Я… мне… надо… туда…

И опрометью бросился на лестницу. Мы услышали, как хлопнула дверь в его спальню, и переглянулись:

— Что это с ним? — в недоумении спросила Татьяна Владимировна.

— Понятия не имею, — равнодушно произнёс папа и принялся за еду. Я отпила из своего стакана вишнёвый компот, потому что в горле пересохло.

Что со мной происходит? Откуда во мне появился дух соблазнительницы? Я никогда этого раньше не делала, но реакция Матвея жаром отозвалась в моём теле. Он хочет меня. Я свожу его с ума. Это видно невооружённым глазом. И я испытываю к нему то же самое.

Всё время, пока мы обедали, папа и Татьяна Владимировна о чём-то разговаривали. Я не вникала в суть разговора, а лишь украдкой поглядывала на лестницу в надежде, что

Матвей появится. Но он так и не пришёл. И мне только оставалось догадываться, почему…

Глава 16

Матвей.

Чертовка. Моя чертовка. Что она делает со мной? Знает же, как я возбуждаюсь от одного её голоса, а она ещё и вздумала играть со мной. Мой взгляд зацепился за оголённое плечо Риты, на котором красовалась красная лямка от лифчика, и меня повело. Захотел положить эту девчонку прямо на обеденный стол, сорвать с неё одежду и любить, любить, любить. Именно любить, а не трахать. С ней хочется нежно, осторожно, смакуя каждую секунду и каждое прикосновение. Хочется слышать её блаженный стон и тонуть в нём до последнего вздоха. Но пока Рита к такому не готова. Или это я не готов стать тем, кто покажет ей по-настоящему взрослую жизнь, или тем, кого она будет ненавидеть и жалеть о том, что отдала ему самое сокровенное.

Первым порывом после того, как я буквально сбежал с семейного обеда, было набрать Яне. По привычке. Обычно она спасала меня в таких случаях. Но как только я подумал об этом, стало мерзко от самого себя. Этим поступком я бы предал Риту. Мою любимую девочку, хрупкую, как весенний цветок, и доверчивую, словно маленький котёнок, ищущий того, кто будет о нём заботиться. Нет, я так не смогу. Теперь не смогу. Малина открыла мне своё сердце, а мне осталось только сделать последний шаг, чтобы навсегда сделать

её своей. Но этот шаг даётся мне с трудом. Я весь извёлся, не зная, как нарушить договор, который обещал исполнить отцу. Но из-за него мы не сможем быть с Ритой вместе. Она не станет ждать, не поймёт, будет страдать. А я окажусь последней скотиной, если не решу проблему по-мужски.

Оттолкнувшись от двери, к которой несколько минут был прижат спиной, я доковылял до комода. Ходить мне было ещё тяжеловато, но, к счастью, я делал это уже без костылей и посторонней помощи. Ну, я немного слукавил, когда, приехав сюда из больницы, попросил Риту помочь мне добраться до спальни. Это было предлогом, чтобы хоть ненадолго остаться с ней наедине. До встречи с ней я даже не знал, что способен так сильно скучать по человеку. Целовать её было приятно и мучительно одновременно. Я позволил себе зайти слишком далеко, но мне так сложно сдерживаться, что я готов рвать на себе волосы из-за тот, что хочу владеть ею по-настоящему. Хочу ощутить её тепло, вкус, изучить тело… К чёрту! Опять мои мысли понесло не туда. Рано или поздно Рита превратит меня в умалишённого, потому что не могу думать ни о чём другом, кроме неё.

Достав из нижнего ящика комода потрёпанный договор, снова стал изучать его, хотя и так знал его наизусть от корки до корки. Но мне казалось, что чем больше я буду его читать, тем быстрее найду выход из своего, казалось бы, безвыходного положения.

Меня отвлёк тихий стук в дверь. Рита заглянула и тихо

спросила:

— Матвей, не хочешь погулять? На улице такая прекрасная погода.

Я улыбнулся и в который раз подумал: какая же она у меня красивая. У меня просто не было шанса остаться к ней равнодушным. Она заняла моё сердце ещё тогда, на нашей первой гонке.

— Если только погулять, садиться на мото я ещё не в состоянии.

— Я хочу прогуляться до нашего места, помнишь? Наш пикник и звёздное небо… Там сейчас, наверно, очень красиво.

— Хорошо. Встретимся внизу?

Рита кивнула и закрыла дверь. Глупышка. Как она могла подумать, что я забуду то место и тот вечер? Наше свидание под лунным светом до сих пор остаётся моим самым ярким воспоминанием. Тщательно спрятав договор, я переоделся и вышел во двор. Рита уже ждала меня там. Странно, обычно девушки заставляют себя ждать, но моя Малина плевать хотела на эти предрассудки. Мы молча направились в сторону холма, который оставался единственным свидетелем нашего с Ритой откровения. Отдалившись от дома на довольно большое расстояние, я властно обнял её за талию и притянул к себе. Её пальцы стиснули рукава моей толстовки, и я понял, насколько сильно мы нуждаемся друг в друге. Нуждались с первой секунды: Рита — в моей защите, а я — в её нежности

и беспрекословной любви.

— Как же я люблю тебя, моя маленькая, — выдохнул я ей в губы.

— Матвей, — беспомощно прошептала она. — Нам нужно рассказать родителям о нас. Я не могу делать вид, что ничего не происходит, это неправильно. Я хочу обнимать тебя, когда мне вздумается, целовать, когда захочется.

Я смахнул с её шёлковых волос желтый листик, который плавно и без стеснения опустился с соседней берёзы. Её просьба резала меня без ножа. А мой отчим, то есть отец Риты, узнав, что я влюблён в его дочь, разорвёт меня на части.

— Думаешь, что сможешь без стеснения целоваться со мной при Илье Сергеевиче? — я улыбнулся, скрывая свою тревогу.

— Ну… Не то, чтобы совсем...

Рита смутилась.

— Матвей, мне кажется, что ты чего-то боишься. Я не думаю, что наши родители расстроятся. Мы же уже не дети. Да, мы с тобой сводные брат и сестра, но это же не приговор нашим чувствам. Мы должны вместе отстаивать их.

Я прижал Риту к себе и поцеловал в макушку, на которой всё ещё красовался её небрежный пучок. Я не стал ничего отвечать, потому что знал, что она права. Нужно с ней откровенно поговорить для начала, но не сегодня.

— Я обязательно попрошу благословения у твоего отца, только позже, хорошо? — попытался я перевести разговор в

шутку, и у меня это вроде получилось.

Вечерело. Под нашими шагами шуршали листья, а мы приближались к холму, который тоже встретил нас опавшей листвой. Я осмотрелся. Внизу, в долине стелилась дымчатая пелена, на небе, как и тогда загорались первые звёзды, только температура сегодня была немного ниже. Не отпуская Ритиной руки, нашёл глазами то самое место, с которого мы наблюдали за звёздами, и воспоминания промелькнули перед глазами. Лицо Риты залила краска. Она поняла, о чём именно я вспомнил.

— Не нужно этого стыдиться, — я стал целовать её пальцы, согревая их дыханием. Пусть сегодня и первый день осени, но вечера и ночи уже неделю как стали прохладными.

— А я и не стыжусь, — прошептала Рита и с вызовом посмотрела на меня. — Я хочу это повторить. Но только так, чтобы всё не оборвалось на самом интересном.

Сердце ошалело забарахталось в груди, в ушах зашумело от неожиданно подкатившего возбуждения. Она ведь сейчас шутит?

— Ты хочешь сделать это здесь? — хрипло вырвалось из меня, и я мысленно ударил себя по лбу. Ничего умнее же я не мог спросить!

— Нет, конечно! Боюсь, здесь будет холодно, а я хочу, чтобы у меня остались приятные первые впечатления. Я просто захотела поговорить с тобой об этом наедине, чтобы нас никто не мог подслушать.

Она нервно засмеялась и повернулась ко мне спиной, увидев, как я опешил.

— Я, наверное, выгляжу сейчас полной дурой!

— Рит, — я дёрнул её за рукав, чтобы развернуть к себе, но она не поддалась. — Что ты такое несёшь? Не выглядишь ты дурой!

— Тогда почему ты смотришь на меня так, будто я сморозила глупость?

— Просто я не ожидал от тебя такое услышать.

— Почему?

— Потому что ты ещё не готова.

— С каких пор ты решаешь за меня готова я или нет? Потвоему, нормально меня *так*целовать, а потом говорить, что я не готова?

— И как же я тебя целую? — мой вопрос прозвучал тихо, словно в ответ на него я должен услышать самую сокровенную тайну, которую суждено знать только нам двоим. У меня всё-таки получилось развернуть Риту к себе, и я стал ждать ответа.

— Знаешь, что, Старцев?! — она оттолкнула меня. — Иногда ты меня так бесишь!

— Правда? — я усмехнулся. Я скучал по той Рите, которая бросалась в меня колкостями. Как из Малины она вновь превращается в Пиявку. — А я думал, что ты любишь меня.

Да! Это фраза была беспроигрышным вариантом, чтобы утихомирить свою злюку. Я видел, что она собирается сбе-

жать от меня, а догонять её я пока не в силах. Хожу и то еле-еле.

— Рит, постой, не злись. Ну чего ты? Я не хотел тебя обидеть, но и не хочу торопить события.

— Мы же любим друг друга, — чуть не взмолилась она. — Почему не можем сделать следующий шаг?

Я тяжело вздохнул, мысленно подбирая нужные слова. Прозвучит странно, но мне страшно вступать с Ритой в интимные отношения. Но с другой стороны понимаю, что в чём-то она права. Я целую её, касаюсь, в ней играют гормоны, и нет ничего страшного в том, что в ней разгорается желание такое же, как и во мне. Это природные инстинкты, и от них никуда не деться.

— Я просто не хочу, чтобы ты пожалела об этом, — сказал так, как думаю.

— А почему я должна пожалеть?

— Мало ли, что может произойти?

— Ты говоришь о расставании? — горько произнесла она.

Я молчал, не зная, что ответить.

— Неужели ты допускаешь такую мысль, Матвей? Почему?

Мне было невыносимо наблюдать, как её глаза наполняются слезами.

— Есть одна проблема, Рит, и я не знаю, как её решить.

— Поделись. Может быть, мы вместе найдём решение.

— Не могу. Вернее, не хочу тебя впутывать.

— Даже представить не могу, что именно может произойти, чтобы мы расстались. Мне даже думать об этом невыносимо. Неужели ты боишься реакции моего отца? Это же глупо, не находишь?

— Дело не только в твоём отце, Рит.

— А в чём же? Скажи! Мы вместе, я люблю тебя, ты меня тоже любишь. Я хочу развивать наши отношения, идти дальше. И ты не можешь решать за меня, готова я или нет. Я готова! Я хочу этого! Но ты не говоришь, что тебе мешает! Мне больно от этого, понимаешь? Мне кажется, что я чего-то не знаю, но все молчат! Что происходит, Матвей?

Я поморщился от боли. От душевной, не от физической. Подошёл к Рите, взял её холодные ладони и поднёс к своим губам.

— Я тебе обещаю, что скоро всё тебе расскажу. Сейчас пока не время. Ты мне веришь?

— Поцелуй меня, — шёпотом призвала Рита.

Я посмотрел на небо, где восходило ночное светило.

— Поцелуй при Луне? — улыбнулся я.

— Как в самых романтичных фильмах, — хрипло отозвалась Рита.

Я готов целовать её всю оставшуюся жизнь. Держать свою Малину в руках и никогда не отпускать. Рядом с ней я испытываю столько нежности, что только сейчас я понял, как порхают бабочки в животе. Это крышесносно. Я ловлю от этого самый настоящий кайф. Впервые в эмоциональной близо-

сти я нуждаюсь больше, чем в физической. Хотя раньше я и нескольких дней не мог прожить без секса. Это круто. Мне это чертовски нравится. Я хочу, чтобы она была счастлива, но только со мной. Вот только я не уверен, что являюсь тем самым, с кем Рита должна прожить рука об руку. Достоин ли я её? Время всё расставит по своим местам, но пока я сделаю всё от себя зависящее, чтобы до последнего вздоха держать её за руку.

Глава 17

От вчерашнего утреннего настроения не осталось и следа. Я убрала в сторону юбку, блузу, банты и надела привычные джинсы и футболку, а сверху накинула кожанку. Пешую прогулку я тоже решила отменить и поехать на мотоцикле. К тому же звонила Света и сообщила, что хочет поехать в универ вместе со мной. Меня мучало любопытство: получилось ли у неё увидеться с Лёхой? Выйдя из комнаты, я в нерешительности потопталась у двери Матвея, но зайти к нему так и не решилась. А так хотелось поцеловать его на прощанье. Завтракать я не стала, несмотря на то, что из кухни доносились восхитительные ароматы свежеиспечённой шарлотки.

Светка уже ждала меня у ворот. Я была счастлива, что мне не придётся быть одной после вчерашней ссоры с Савельевым. С улыбкой представила, как он будет весь день ходить надутый, как индюк, ведь ходить с обиженной миной – его хобби. Я выкатила из гаража мото, накинула на плечи рюкзак и подошла к Свете.

– Привет! – я приобняла её и чмокнула в щёку. – Как дела? Удалось поговорить с Лёхой?

– Да, – Света закатила глаза. – Папочка постарался. Сделал такой важный вид, будто подвиг ради меня совершил, хотя обычно ему до меня нет дела. Они с мамой усердно занимаются своими личными жизнями. Мне иногда кажется,

что они соревнуются друг с другом, у кого лучше новая вторая половинка. Как дети малые.

– Да уж, – покачала я головой. – Ну и что он тебе сказал?

– Ты про Лёшу?

– Угу.

– Ничего хорошего, Рит. Им с Черепом грозит реальный срок. Лёша говорит, что не будет покрывать его, а расскажет всё, как было. Лёша ведь не хотел вредить Моту и Игорю. Череп его подставил. Сказал, что нужно просто припугнуть, а сам устроил чёрт знает, что. Надеюсь, что этот факт суд учтёт, и Лёше смягчат наказание.

– Даже не знаю, что сказать, – я покачала головой. – С одной стороны мне жаль тебя и Лёху, а с другой я так зла на них с Черепом…

– Я понимаю, Рит. Мне так стыдно перед тобой и Матвеем, да ещё и с Игорем непонятно что… Мне каждую ночь снятся кошмары. Если Игорь не выкарабкается, я никогда себе этого не прощу.

– Ты ни при чём, Свет. Ты же ничего не сделала.

– Вот именно! Ничего! Если бы я на тебя не злилась из-за Матвея, не стала бы завидовать, а приняла тот факт, что он влюблён в тебя, то могла бы это всё предотвратить. А месть сорвала мне крышу. Я хотела, чтобы ты пострадала. Но, когда я увидела аварию, увидела, какой силы было столкновение во мне что-то переключилось, и я поняла, какой же я была дурой. Никакая обида не стоит чужих жизней.

– Свет, давай больше не будем возвращаться к этому разговору.

– Согласна! – весело улыбнулась она. – Давай лучше поговорим, как ты накостыляла Костику нашему.

Я удивлённо изогнула брови:

– А ты то откуда уже знаешь?

– В чате нашей группы выложили видео. Весь вечер только это и обсуждали.

– И почему я не удивлена? Дай угадаю: Олеська сняла? Она вообще когда-нибудь выпускает телефон из рук? Всё успевает снять.

– Она, кто же ещё. А ты разве не видела?

– У меня отключены уведомления из чата, и в мессенджер не было времени зайти. Провели вчера вечер с Матвеем.

– Его уже выписали?

– Да. Он решил сделать мне сюрприз.

– Поехали, Рит. Не то мы опоздаем на пару. Расскажешь всё в универе.

О да! Стоило нам со Светой войти в универ, все взгляды устремились на меня. Все перешёптывались, хихикали и без стеснения показывали на меня пальцами.

– Почувствуй себя звездой! – рассмеялась Света, взяла мою руку и подняла её вверх. А затем громко обратилась ко всем: – Маргарита Онежина проведёт автограф-сессию после пар. Кому интересно – непременно приходите за закорючкой нашей местной звезды местного боевика.

– Света! – одёрнула я её. – Ты с ума сошла?!

– Ты только посмотри – все начали заниматься своими делами. Я просто отвлекла их внимание от тебя.

– Ну спасибо!

На меня действительно перестали пялиться. Я даже и не представляла, что привлеку к себе столько внимания из-за стычки с одногруппником. Савельев умеет раздуть из мухи слона.

– Могу поспорить, – обратилась я к подруге, – что причиной их внимания к моей персоне является Савельев и его неутомимое красноречие.

– По крайней мере он больше всех комментировал то видео, которое выложила наша Олесенька.

– И зачем ей это? Она весь первый курс делала вид, что меня не существует, а теперь сделала меня знаменитой на весь поток.

– Думаю, что теперь ты для неё не просто перестала быть несуществующей, ты стала занимать все её мысли.

– С чего бы это? – скептически спросила я.

– А ты разве не знаешь? До того, как покинуть наш городок два года назад, Матвей с ней встречался. Не то, чтобы было что-то серьёзное, но они точно спали, а Олеся придумала себе великую любовь. Только вот когда Мот уехал, он с ней даже не попрощался, а теперь она видит в тебе соперницу.

– Есть хоть одна девушка в этом городе, с которой Матвей

не спал? – брезгливо поморщилась я.

Стало мерзко, когда я представила свою одногруппницу и Матвея вместе. Она же не собирается вставлять мне палки в колёса, позорить меня и угрожать, чтобы я отстала от Матвея? Этого мне ещё не хватало. Детский сад какой-то.

– Свет, я надеюсь, что ты не права.

– Увы! Я права.

– Угораздило же меня влюбиться в долбанного ловеласа, – вздохнула я и достала из заднего кармана джинсов вибрирующий телефон. Я отошла в сторону, чтобы мой разговор не слышали чужие уши.

– Матвей? Ты чего звонишь, я на учёбе.

– Малинка, – прозвучал его хриплый, но притягательный голос. — Почему ты ушла, не попрощавшись?

– А как, по-твоему, должно выглядеть наше утреннее прощание в доме, где, как мне кажется, родителей стало втрое больше. Они будто находятся в нескольких местах одновременно.

– Моя комната — надёжный тыл. В неё редко, кто заходит. Я теперь не буду видеть тебя почти целыми днями, думаю, что я заслуживаю утренний поцелуй.

Я покраснела до кончиков волос. Захотелось наплевать на учёбу и спрятаться ото всего мира в крепких объятиях Матвея. Но пришлось остановить свой порыв, так как начиналась первая пара, и Светка буквально потащила меня в аудиторию.

– Матвей, мне пора. Позвоню по дороге домой, – быстро протараторила я и бросила телефон в рюкзак.

Всё внимание студентов в аудитории снова было прикована ко мне. От этого становилось некомфортно. Я знала, что это из-за Матвея. Он был достаточно популярным что в женских кругах, что в мужских. А интерес вызвало то, что он начал встречаться не с кем-нибудь, а со своей сводной сестрой, то есть со мной. Складывалось впечатление, что он не просто один из жителей этого города, а голливудская звезда. Я окинула всех презрительным взглядом и задержала его на Олесе. Камера её телефона уже была наготове, будто она знала, что случится нечто такое, что обязательно нужно будет запечатлеть.

– Не ведись на провокации, – шепнула мне Света, и мы сели на свои места.

Сзади, как и вчера, послышался голос Савельева:

– Что, Онежина? Один день праздник, другой — проказник? — и заржал так, будто придумал самую смешную шутку в мире. Нет. Во Вселенной.

– Чего? — вытянула я лицо. — Разучился на русском разговаривать?

– Я говорю: наша вчерашняя принцесса вновь обернулась тыквой?

– Слушай ты, рифмоплёт! — вмешалась Света. — Варежку свою захлопни, пока тебе опять девчонка не наваляла.

– Две истерички, – плюнул он ядом в нашу сторону, как

раз в тот момент, когда вошёл преподаватель. Тот же самый, что выгнал нас вчера с лекций.

– Савельев! — рявкнул он. — Ты опять провоцируешь?

– Никак нет, Яков Андреевич! — выкрикнул Костя.

– К армии готовишься? Хе-хе! Правильно, Савельев, пора. Ещё несколько косяков и ты отправишься туда прямиков.

Аудитория погрузилась в громкий смех.

– Тихо! — ударил кулаком по столу Яков Андреевич. — Распоясались. Учиться не хотят, одни хиханьки и хаханьки на уме!

Мы со Светой переглянулись. Лекции с Яковом Андреевичем не были скучными. Он хорошо шутил, подтрунивал над студентами, но в меру. По-настоящему обидных слов от него никто никогда не слышал. Вот и сейчас он снова разрядил обстановку. Будто чувствует напряжение между студентами.

– Маргарита Онежина, – обратился ко мне Яков Андреевич, испепеляя меня взглядом сквозь линзы очков. — Надеюсь, вы переписали вчерашние лекции и готовы ответить на мои вопросы по вчерашней теме?

Тяжело выдохнув, я встала со своего места и еле слышно произнесла:

– Я не готова.

– Плохо, Маргарита, очень плохо, – он покачал головой. — Ставлю вам точку, которую нужно будет исправить на хороший балл.

Я молча села на своё место. Точка у Якова Андреевича — высшее наказание для студентов, ведь её не так-то просто исправить, и одним скачанным из интернета докладом не отделаешься. Нужно готовить реферат листов на двадцать.

– Даю вам неделю, Маргарита, иначе уже в начале учебного года ваши баллы уйдут в отрицательный показатель.

– Ритка влюбилась и скатилась, – услышала я противный смех за своей спиной.

– Заткнись, Пушкин недоделанный! — шикнула я, но кара настала и для Савельева.

– А вы, Константин, готовы ответить по моему предмету? — мне показалось, что препод спросил об этом с издёвкой, будто решил за меня отомстить. Хотя это могли быть всего лишь мои догадки.

– Не готов, – недовольно пробурчал Костик, а я, довольная, что этому придурку тоже придётся готовить реферат, сделала вид, что поправляю волосы и показала ему средний палец.

На этом моё веселье закончилось, и началась скучная лекция, во время которой я думала о том, как неудачно начался мой учебный год. Драка, точка в журнале во второй учебный день, странные отношения с Матвеем. То ли ещё будет…

Глава 18

Остаток дня проходил спокойно. Мы с Савельевым больше не задирали друг друга, так как поняли, что создаём другу другу проблемы. На последней паре, когда преподаватель монотонно читал лекцию по социологии, мне на телефон пришло смс от Матвея. Я тут же открыла его, желая хоть немного скоротать время за перепиской с любимым парнем, но содержание сообщения мне не понравилось.

«У тебя всё нормально?»— писал Матвей.

«Если не считать того, что я ненавижу учиться, а приходится, то да»,— быстро настрочила я ответ.

Матвей прислал мне две видеозаписи, и я, просмотрев их, обалдела. Одна из них была вчерашняя, на которой была запечатлена наша стычка с Савельевым, а вторая — сегодняшняя, где меня отчитывает Яков Андреевич. Я посмотрела на Олесю, что сидела в соседнем ряду и, улыбаясь, пялилась в телефон. Вот дрянь! Решила опозорить меня в глазах Матвея? Ни фига не выйдет!

«Тебе это прислал человек, имя которого начинается на Олеся, а заканчивается на Коза?»

«Я не знал, что она сменила фамилию :D».

«Мне не до смеха, Старцев!— я нажимала на кнопки так, что экран должен был давно лопнуть. — *Какого лешего ты с ней переписываешься?»*

«Я с ней не переписываюсь, клянусь! Она мне скинула эти видео, и я предположил, что у тебя проблемы. Хотел предложить помощь».

«Мне помощь не нужна, сама справлюсь. А эту стерву добавь в чёрный список, нечего вести с ней светские беседы».

Моему возмущению не было предела. Я не собираюсь прятаться за чьей-то спиной, тем более за Матвеем. Я не какая-то слабачка, которая не может о себе позаботиться. И с какой стати эта грымза пишет моему парню, а тем более присылает ему видео со мной в главной роли? Мне всегда было фиолетово на Олесю, но сейчас я её просто ненавижу. После пары придушу её.

«Ревнуешь, Пиявка?»

Я закатила глаза. Он меня снова так назвал.

«Как быстро из малины я превратилась в пиявку. Бесишь».

Замечание про ревность я решила пропустить мимо глаз. Да, мне не нравится, что Матвею пишут его бывшие девушки, но не в моих правилах закатывать истерики.

«Потому что до этого ты была не против моей помощи, а сейчас снова превращаешься в ту вредную девчонку, с которой я познакомился пару месяцев назад».

Я вздохнула: Матвей прав. Это здание под названием «Высшее учебное заведение», а точнее те, кто со мной учится, будят во мне зверя. Матвей не виноват, что ему пишут девушки, не виноват, что хочет помочь мне и защитить ме-

ня, как тогда от Черепа. Наверное, именно так и должен вести себя парень, который любит свою девушку, просто мне нужно к этому привыкнуть.

«Так что у тебя за тёрки с этим придурком?»

«Мой бывший одноклассник, и его бесит, что в каком-то мохнатом году я его бросила».

«Понятно. Больше он тебя не тронет».

«Что ты собираешься делать?»

Но ответа я так и не получила. Матвей вышел из сети и не появлялся там до окончания пар. Социология и вовсе покинула чат, махнув на меня рукой, поняв, что не сможет добиться моего расположения, потому что все мои мысли стало занимать последнее сообщение Матвея. Почему он так написал? Что собирается делать? Уж не драться ли с Савельевым? Писать лекцию я прекратила на полуслове. Стало всё равно на то, что на следующей паре меня могут спросить, а я не отвечу. Эта любовь кардинально меня изменила. И, если на первом курсе проблем с учёбой у меня практически не было, то второй не задался с первого учебного дня. Да и плевать! Самое главное, чтобы Матвей не натворил глупостей. Он ведь ещё после аварии не полностью восстановился, а тут ещё разборки из-за меня.

— Рит, — услышала я шёпот Светки. — У тебя всё нормально?

Я вопросительно на неё посмотрела.

— Просто последние несколько минут ты дергаешь ногой

так, что наша парта трясётся. А ещё кусаешь губы.

— Да так, ничего, — отмахнулась я, но ногой дёргать перестала. Подруга пожала плечами и снова уткнулась в тетрадь, пытаясь успеть записать слова лектора, который спешно что-то рассказывал.

Самыми мучительными были последние десять минут до окончания пары. Для меня они стали настоящим испытанием. Мне нужно было домой, к Матвею, но цифры на экране телефона, как мне казалось, менялись раз в сто лет. Настоящая пытка. Наконец, прозвенел долгожданный звонок, и я одним взмахом руки сгребла со стола тетради и ручки в рюкзак, и выбежала из аудитории, как ошпаренная.

— Рит, ты куда? — кричала Света где-то позади меня, но я не останавливалась. Потом ей всё объясню.

Но далеко убежать мне не удалось, так как на улице, рядом с выходом, столкнулась со стеной по имени Матвей.

— Что ты… здесь делаешь? — спросила я, не зная, можно ли мне его обнять при всех или сделать вид, будто между нами ничего нет.

— Я не могу встретить свою любимую девушку после учёбы? Я соскучился, Рит.

Он наклонился к моим губам, а я замерла в нерешительности. Он был таким красивым, стильным и таким любимым, что у меня закружилась голова.

— Ты хочешь сделать это прямо здесь? — шепнула я, озираясь по сторонам. Естественно, что нас смотрели все, нахо-

дившиеся по близости, без исключения.

— А почему нет? Пусть все знают, что ты моя. И никто не смеет обижать тебя и задирать.

— Ты сейчас заявил на меня права? — я нахмурилась, но душа ликовала. Неужели он созрел для того, чтобы снять тень с наших отношений? Значит, скоро настанет очередь родителей?

— Вообще-то, если мы с тобой сейчас поцелуемся, то *оба*-заявим права друг на друга. К тебе перестанут приставать, а мне прекратят написывать. Разве ты не этого хочешь?

— Этого, — не раздумывая согласилась я, обняла Матвея за шею и поцеловала. Всё вокруг перестало иметь значение. Он мой. Только мой. Пусть видят и знают, что мы любим друг друга. Он прижимал к себе и не отпускал.

Но он вдруг убрал от меня одну руку и схватил проходящего мимо студента, коим оказался Савельев. Тот ошарашенно смотрел на Матвея, и в его глазах явно читался страх.

— Только не драка, — взмолилась я и вцепилась Матвею в рукав.

— Я не из тех обезбашенных придурков, которые все проблемы решают кулаками. Поговорим? — кивнул Косте, и они оба ушли в сторону.

Я нервно кусала губы, гадая, о чём они разговаривают, и боялась, что в любую минуту может произойти что-то страшное. Боялась за Матвея. Ведь он ослаблен после полученных травм, и каждое движение ему даётся тяжело, и это видно

невооружённым глазом. Не хватало ещё, чтобы он ввязался в драку. Но они неожиданно пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

— А ты, я смотрю, дипломат, — с облегчением улыбнулась я, когда Матвей снова оказался рядом.

— Зачем марать руки, если нормальные люди могут и словесное предупреждение адекватно воспринимать? — пожал он плечами.

— И почему же ты был уверен, что Савельев относится к категории тех самых адекватов?

— Я не знал. Просто всегда изначально пытаюсь решить проблему именно так.

— И что же ты ему сказал?

— Чтобы не цеплялся к моей девушке. Парень оказался сообразительным и ответил, что больше даже не посмотрит в твою сторону.

Я смутилась. Ещё никогда никто так за меня не заступался. Не раздумывая, поставил человека перед фактом ради неё. Приятно до порхания бабочек в животе.

— Ну, спасибо, наверное…

— Обращайся, детка, — подмигнул Матвей.

— Кстати, а на чём ты добрался?

— На такси.

— Тогда ты не против ехать со мной в качестве пассажира? Я на мото.

— Я только за. Из меня водитель никакой, да и ездить мне

пока что не на чем.

Матвей печально улыбнулся, и я знала причину его грусти. Он просто обожал свой байк, а теперь от него осталась только груда металла, которая не подлежит восстановлению.

— Когда оправишься, купишь себе новый, — попыталась я его подбодрить.

— Несомненно, но лучшего этого у меня уже никогда не будет.

Мы дошли до парковки, где нас ждала Света.

— Что-то вы долго, голубки.

Если честно, я уже забыла про подругу, и от этого мне стало стыдно. Я опустила взгляд:

— Мы просто…

— Видела я ваше «просто», — отмахнулась она. — Устроили представление, которое теперь весь учебный год обсуждать будут.

— Извини, что я убежала, ничего не объяснив.

— И не надо. Любовь — штука такая. Крышу срывает здорово. Вы домой?

— Ага.

Света посмотрела на Матвея, и в её глазах уже не плясали те весёлые огоньки, что несколько мгновений назад, когда она общалась со мной.

— Мот, ты… как?

— Как видишь. Жив-здоров.

— Я хотела извиниться перед тобой…

— Мне не нужны твои извинения, Свет, — мне показалось, что Матвей разговаривает с ней грубо. — Если хочешь, чтобы тебе стало легче, сходи в церковь и поставь свечку, чтобы Игорь выкарабкался.

Я сидела на сиденье, потупив взгляд, пока Матвей усаживался сзади.

— Мот, прошу, не надо так со мной, — слёзно просила подруга.

— Не надо слёз, Свет. Я и так заговорил с тобой только ради Риты. Может, ты и не принимала непосредственного участия в той аварии, но ты знала, что именно Череп запланировал.

— Я не знала!

Матвей бросил на неё мимолётный взгляд:

— Уверена? Я вот не очень. Поэтому прошу: дружи с Ритой, но сделай так, чтобы я видел и слышал тебя как можно реже. Поехали, Малина.

Я кивнула Светке, завела мото и выехала с парковки. Всю дорогу я переваривала услышанный разговор, который стал мне неприятен. Я простила Свету, а Матвей нет. Я хочу с ней общаться, как раньше, а мой парень — не хочет. Он слишком жестоко, по моему мнению, с ней поговорил, но это его решение, и я не могу осуждать Матвея за это. Кто знает, как бы поступила я, если бы моя лучшая подруга находилась на месте на Игоря. Но мне сейчас нужно решить, как сосуществовать рядом с двумя людьми, между которыми целая про-

пасть…

Глава 19

В субботу после обеда мы с Матвеем поехали в больницу навестить Игоря. Зайдя в палату, мы обнаружили сидящую рядом с нашим другом Злату. Увидев нас, она отдёрнула свою руку от него и подскочила, будто её ужалили в одно место. Мы с Матвеем переглянулись, но не стали акцентировать на этом внимание.

— Привет, — кивнула я ей и подошла к кровати Игоря.

— П-привет, — почему, заикаясь ответила Злата.

— Как он? — спросил Матвей, пожимая другу правую ладонь, хоть тот и не мог ответить на рукопожатие.

— Без изменений, — вздохнула Злата. — Радует, что хуже не становится, показатели стабильны.

— Ему нужны какие-то лекарства? Может быть сиделка?

— Нет-нет! — Злата замахала руками. — Его мама постоянно здесь, сейчас она была вынуждена отлучиться, поэтому я… присматриваю за ним. Все необходимые лекарства имеются.

— Если что-то будет нужно, сразу говори мне. Поняла?

— Угу. Я оставлю вас. Пообщайтесь.

Злата покинула помещение, и мы остались втроём.

— Ну что, дружище? — Матвей сел на кровать и посмотрел на Игоря. — Даже в вегетативном состоянии умудрился

завести себе девушку?

— Матвей! — крикнула я на него. — Думай, что говоришь!

— Прекрати, Рит, — отмахнулся он. — У нас с ним юмор такой.

— Только вот Игорю сейчас не до смеха.

— Говорят, что смех продлевает жизнь, а я надеюсь, что он вернёт Игоря к ней. Поверь, если он меня сейчас слышит, то мысленно ржёт, как конь.

— Мне не понять вашего чёрного юмора, — покачала я головой, но спорить больше не стала.

Мы немного пообщались с Игорем, рассказали ему несколько историй в надежде, что он нас слышит, посмеялись, как ненормальные, и, пообещав, что будем часто ему надоедать, пока он не очнётся, покинули больницу. Доехав до городского парка, который стал золотым от покрывшей землю листвы, мы решили погулять. На улице была потрясающая погода: чистое небо, тёплое солнце, шуршание золота под ногами... Людей было немного. Исчезли киоски с мороженым, с воздушными шариками, стало меньше детского смеха. Небольшой фонтан, стоящий в центре парка, отключили, и он ушёл в глубокий сон до лета, накрывшись одеялом из жёлтых и красных листьев. Он отдохнёт и поздней весной снова начнёт радовать гостей искрящимися на солнце каплями и приятным плеском воды. Тишина. И всё это дополняла наша необъятная любовь. Было приятно просто идти

за руку, молчать и улыбаться лёгкому ветру, что трепал наши волосы. Это ли не настоящее счастье? Кажется, я нашла свою гармонию в том, чтобы просто быть рядом с тем, кого люблю, чувствовать его любовь ко мне, ощущать его тепло. С Матвеем уютно.

— Тебе не показалось странным поведение Златы сегодня? — спросила я, подняв с земли большой кленовый лист огненного цвета, напоминавший цвет волос медсестры.

— Ты о том, что она разволновалась? Что здесь странного? Игорь пользуется популярностью среди девушек.

— Но… не в таком же состоянии.

— Какая разница, Рит? — Матвей пожал плечами. — Его харизма безгранична независимо от того, лежит он или ходит. А ты чем-то недовольна?

— Наоборот: я рада, что рядом с ним постоянно кто-то есть. Ему сейчас нужно общение, нужны разговоры. Игорь должен знать, что его здесь ждут и ради чего и кого ему стоит бороться.

— Здесь с тобой не поспоришь, — Матвей остановился и обнял меня. Потёрся кончиком носа о мой нос и сказал фразу, от которой по коже поползли приятные мурашки: — Я боролся ради тебя, моя Малина. Если бы не ты, не знаю, смог бы я выбраться.

Я зарылась в ворот его ветровки и поцеловала его в шею. Вдохнула любимый запах бергамота и, не сдержавшись, привстала на носочки и едва коснулась тёплых губ Матвея. Про-

стое прикосновение. Нежное, хрупкое. Но оно оказалось таким чувственным и откровенным, что из меня вырвался тихий стон.

— Рита… — выдохнул Матвей, обжигая горячим дыханием моё лицо. — Как же я тебя люблю.

Он внимательно посмотрел на меня, крепко прижимая к себе, и задал вопрос, от которого моё тело пронзило острой стрелой:

— Ты действительно готова?

Я поняла, про что он говорит, и медленно кивнула. Я давно готова. Ждала этого момента, но сейчас почему-то стало страшно. Я не знала, что меня ждёт, но доверяла Матвею всем своим сердцем, потому что знала, что он не причинит мне боль.

— Я пойму, если ты…

— Я хочу этого.

— Девочка моя.

Нас закружило вихрем поцелуя, подбросило в воздух, и мы зависли в невесомости: вокруг будто всё исчезло, звуки стихли, и кроме нас двоих не существовало ничего и никого. Только мы. Влюблённые и безумные.

На землю нас вернул телефонный звонок.

— Папа, — проинформировала я Матвея, жестом показала ему, чтобы молчал, и ответила: — Да, пап?

— Рита, вы всё ещё в больнице?

— Уже нет. Решили прогуляться по парку. А что?

— Нас с Таней пригласили сегодня в ресторан, у одного моего знакомого юбилей, так что мы вернёмся поздно.

— Хорошо, пап, — ответила я как можно сдержанней, а у самой внутри сердце отплясывало чечётку.

— Не натворите дел, — предостерёг меня папа.

— Ты о чём?

— Думаю, ты прекрасно поняла. Нам пора ехать. Утром увидимся.

Я посмотрела на Матвея, и на моём лице самопроизвольно расползлась улыбка.

— Ты чего такая довольная?

— Потому что сегодня вечером дома только мы с тобой. Родители уехали в ресторан к кому-то на бёздник.

— И…

Матвей игриво изогнул бровь.

— Не прикидывайся дурачком. Ты всё прекрасно понимаешь.

— Тогда чего мы ждём? В парке мы ещё успеем нагуляться, а вот остаться в доме наедине — шанс один из тысячи.

***

Давно я не ехала на такой скорости по городу. Я разрешала себе такое только во время гонок, но сегодня исключительный случай. Может быть, это выглядело глупо, необдуманно, по-детски, но я приняла для себя решение провести этот вечер с Матвеем по-особенному. И не хотела упускать ни одной драгоценной секунды. Я умело объезжала по-

токи машин, резко тормозила на светофорах и, к моему приятному удивлению, ни разу не услышала от сидящего сзади Матвея фраз, типа: «притормози», «помедленнее», «аккуратнее». Значит, он мне доверял так же, как и я ему, и эта мысль грела мою душу.

В дом мы не зашли — забежали, тяжело дыша и пошло целуясь. Матвей трогал меня везде, заставлял дрожать, а я отвечала тем же, отталкивая от себя присущие мне скромность и неопытность. Он реагировал на каждое моё прикосновение, с каждым разом всё больше пробуждая мою уверенность. Даже не знаю, откуда во мне появилось столько инстинктов, но, судя по реакции Матвея, делала я всё правильно. Как мы оказались у его спальни, я не помнила, но, когда он стал стягивать с меня худи, я его остановила.

— Матвей, подожди.

Он резко отошёл от меня на шаг и растерянно спросил:

— Ты передумала?

— Нет. Нет, — дыхания не хватало, и каждое слово давалось мне с трудом. — Но пойми меня правильно, что этот момент я детально прорисовала в своей голове, и мне нужно подготовиться. Прости.

— Нет проблем, — Матвей улыбнулся и поцеловал меня в висок. — Делай всё, что считаешь необходимым, но помни, что наше время ограничено. И, если всё же передумаешь, я пойму.

— Не передумаю, — заверила я его и подняла с пола за-

колку, которую Матвей стащил с моих волос. — Дай мне немного времени.

— Мне к тебе зайти?

— Я сама приду. Всё-таки в твою спальню заходят не так часто. А из моей папа уже проходной двор сделал.

— Понял. Пойду приму душ.

Неловкость между нами запредельно зашкаливала. Мне показалось, что я что-то делаю неправильно, что я зря остановила Матвея и прервала такой важный момент.

— Всё хорошо, Рит, — успокоил он меня. — Ни о чём не переживай, делай так, как считаешь нужным. Я тебя ни к чему не принуждаю и не тороплю.

Я молча кивнула и скрылась от него в своей комнате. Надеюсь, я не выглядела для него полной идиоткой со своими тараканами в голове? У Матвея, наверное, ещё не было девушек, которые так щепетильно относились к интиму, но иначе я не могла. Я быстро приняла ванну, высушила волосы и, обернувшись полотенцем, принялась подбирать нижнее бельё, ведь, благодаря Татьяне Владимировне, у меня было из чего выбрать. Мой первый выбор безоговорочно пал на красное кружевное белье, но, примерив его, я поняла, что оно слишком откровенное: лиф был чересчур просвечивающим. Поэтому, немного подумав, я надела белое попроще. Сверху накинула розовый шёлковый халатик, оценивающе посмотрела на себя в зеркало и сделала вывод, что готова. Во время всей своей подготовки я жутко волновалась, и у меня даже

слегка тряслись руки. Не знаю, сколько прошло времени, но всё же я нашла в себе силы зайти к Матвею.

Он стоял у окна с какими-то бумагами в руках, но, как только я вошла, тут же отложил их в сторону. Матвей без майки, в одних джинсах. По его плечам и груди стекали капли воды, а влажные волосы торчали в разные стороны. И он был такой красивый, такой домашний, такой мой… В комнате поселился свежий запах бергамота, и я с жадностью вдохнула его.

— Заждался, да? — мой голос охрип от волнения, и я смутилась.

— Тебя я готов ждать вечно.

— Скажешь тоже, — я опустила взгляд, но кожей чувствовала, как Матвей сканирует меня, заставляя учащаться мой пульс.

— Я вот всё гадаю: есть ли у тебя что-то под этим милым халатиком, или это единственная одежда на тебе?

Я осмелилась посмотреть ему в глаза. Они были полны восхищения. Мной. В их бездонном омуте плескалась любовь. Ко мне. Ни капли осуждения, ни нотки обиды, ни тени досады. Все мои малейшие страхи и сомнения испарились. Я закусила губу и с вызовом произнесла:

— А ты проверь…

Могла поклясться, что увидела огонь, вспыхнувший в глазах Матвея, услышала его громкое сердцебиение и тяжёлое дыхание. В два шага он оказался рядом, обнял за талию и

вдохнул запах моих волос.

— Ты бесподобно пахнешь, моя Малина.

Ох, как я люблю, когда он называет меня своей. Когда вот так касается меня, словно дуновение лёгкого ветра, вызывая бесконтрольную дрожь и трепет. Матвей дотронулся до моего плеча, пальцем скинул с него шёлковую ткань и улыбнулся:

— Ты всё же надела бельё.

— А не надо было? — не своим голосом спросила я.

— Ты сделала всё правильно. Иначе было бы неинтересно.

Одно ловкое движение — и халат полетел на пол. Я застыла, наблюдая, как Матвей жадно изучает моё тело.

— Какая же ты красивая.

Он опустился передо мной на колени и стал стягивать с меня трусики. Мне стало жарко и холодно одновременно. Матвей — первый мужчина, который видит меня без одежды, и я не испытывала неловкости. Наоборот, всё происходило так, будто так и должно быть. Он начинал ласкать меня медленно, осторожно, но, видя, как я на неё реагирую, усиливал напор.

За окном уже смеркалось, когда моя спина коснулась прохладных простыней в постели Матвея. Мои губы горели огнём, тело изнывало, требуя продолжения, но Матвей не спешил.

— Пожалуйста, — просила я. – Я так хочу…

— Я буду любить тебя нежно, — прошептал он в ответ.

— Я верю тебе.

И Матвей меня не обманул. Он оказался восхитительным. Любящим. Нежным. Я растворилась в нём. Секундная боль обернулась сладким наслаждением. Я отдала себя полностью и то, что испытывала, заставляло терять разум. На улице начинался дождь. Его крупные капли стучали по стеклу, ловя наш с Матвеем ритм и создавая тихую музыку только для нас двоих. Дождь усиливался, как и ветер, но даже он не мог потушить тот пожар, что горел между мной и Матвеем.

Простыни были смяты, одеяло и вовсе лежало на полу, а мои громкие стоны заглушали тяжёлое дыхание Матвея. Заниматься сексом с любимым человеком – верх блаженства. Мне не с чем сравнить, но это самое лучшее, что со мной могло случиться.

Когда всё закончилось, Матвей обессиленно упал на мою грудь, переводя дыхание. Я гладила его по влажной спине и улыбалась, глядя на пляшущие на потолке тени, появившиеся от тусклого света ночника.

— Рииит, — хрипло протянул Матвей спустя несколько секунд.

— Ммм?

— Всё хорошо?

— Всё просто прекрасно.

— Ты замечательная, моя Малина. Самая лучшая. Я тебя очень люблю.

Снова россыпь поцелуев появилась на моей шее и груди, а

я смеялась от счастья. Я хотела навсегда остаться в этом моменте, но всё хорошее имеет свойство заканчиваться, только вот я ещё не знала, что в нашем случае оно не просто закончится, а исчезнет…

Вскоре мне позвонил папа и сообщил, что они с Татьяной Владимировной возвращаются. Матвей тяжело вздохнул и поднялся с кровати:

— Жаль, что мы не можем провести ночь вместе.

— Ты ещё не решил, когда мы им всё расскажем?

— Скоро, Рит, скоро. А сейчас мне нужно принять душ. Ты дождёшься меня? Не уходи, ладно?

— Хорошо, но только если ты быстро.

— Пять минут.

Матвей нагнулся и поцеловал меня в нос. Затем в губы.

— Клянусь, если бы не этот проклятый дедлайн, мы бы повторили.

— Иди уже, — рассмеялась я. – Скоро родители вернутся, и мы не сможем найти оправдание, почему я нахожусь в твоей комнате в одном нижнем белье.

— Я быстро.

В ванной комнате зашумела вода, а я лениво встала, подобрала с пола свою одежду, надела трусики и лиф, а халат накинула на плечи. Подошла к окну и открыла форточку. В комнату ворвался свежий воздух с запахом земли, и я жадно его вдохнула. Дождь перестал, словно отыграл свою песню, звуки которой навсегда останутся в этой спальне и моей па-

мяти.

В окно я увидела, как к дому подъезжает машина отца, и решила, не дождавшись Матвея, скорее укрыться в своей комнате. Я закрыла окно, и тут мой взгляд зацепился за бумаги, лежащие на подоконнике. Это оказался некий договор, и обычно я прохожу мимо, так как мало в этом понимаю, но этот договор отчего-то привлёк моё внимание, и я стала его читать. В нём говорилось что-то про бизнес Старцевых и про слияние двух компаний. Но, когда я дошла до обязанност

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.